
Сона Скофилд
Развод с нагом.
Непризнанная тройня

Сона Скофилд

Развод с нагом. Непризнанная тройня

«Автор»
2026

Скофилд С.

Развод с нагом. Непризнанная тройня / С. Скофилд — «Автор», 2026

В день развода Сархан снял с моей руки брачный обруч так осторожно, словно боялся повредить драгоценный металл. Меня он не пожалел. Верховному нагу нужна была чистокровная жена, способная подарить престолу наследника. А меня объявили бесплодной.Через несколько месяцев родились Ая, Кей и Рун. Трое детей, которых бывший муж отказался даже признать.Пять лет я растила их вдали от дворца, пока однажды Сархан не потребовал нашего возвращения. Его народ гибнет от загадочной болезни: наги теряют человеческий облик и забывают тех, кого любили. А редкая магия моих детей может стать спасением.Но древний закон отдает непризнанных наследников под власть храма. Новая жена Сархана готовит обряд, после которого моя тройня рискует навсегда лишиться человеческой природы.Мне придется вернуться к человеку, предавшему нашу семью, и довериться опасному нагу-хранителю, который слишком многое скрывает. И страшнее всего то, что рядом с ним я снова учусь доверять.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. След от обруча 5
Глава 2. Дорога под горой 27
Глава 3. Имена в темной воде 51
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Сона Скофилд
Развод с нагом. Непризнанная тройня

Глава 1. След от обруча

Первым пациентом в то утро оказалась ящерица.

Кей принес ее в лечебницу, бережно зажав между ладонями, и потребовал немедленно осмотреть.

— У нее, наверное, сломалась нога.

Я отложила чистые повязки, которые собиралась убрать в шкаф, и посмотрела на сына. Из-под его пальцев торчал длинный зеленоватый хвост. Сама ящерица, судя по движениям, чувствовала себя прекрасно и мечтала оказаться где угодно, только не в руках моего пятилетнего лекаря.

— А почему ты решил, что она больна?

— Она не хочет ходить.

— Кей, ты держишь ее за живот.

Сын опустил глаза, осторожно разжал пальцы и виновато посмотрел на меня.

Ящерица воспользовалась свободой немедленно. Она метнулась по столу, проскочила между баночками с мазями и скрылась под тяжелым шкафом, заставив меня пожалеть о том, что мы вообще начали этот разговор.

— Теперь она точно не хочет ходить, — сообщил Кей.

— Потому что хочет жить спокойно.

— Но у нас ведь лечебница!

— Для тех, кому нужна помощь.

— А ей нужна. Она теперь не найдет свою маму.

Я вздохнула и потянулась за длинной деревянной линейкой. Спорить с Кеем было бесполезно, особенно когда дело касалось животных. За последний месяц он пытался принести домой раненую птицу, двух лягушек и большого жука, которого собирался откармливать хлебом. Жук отказался от угощения и благополучно сбежал.

Из соседней комнаты донесся возмущенный голос Аи:

— Мам, он опять кого-то принес?

— Я спасаю! — крикнул Кей.

— Ты вчера улитку спасал, а она потом в моей туфле сидела!

В дверях появилась Ая. На ней было голубое платье с неровно пришитым карманом, куда дочь складывала самые ценные находки. Сейчас из кармана торчал кусок белой ткани.

Следом за сестрой вошел Рун. Мой младший сын держал небольшую деревянную дощечку и обугленную палочку. Он остановился у порога, посмотрел на брата, на меня, затем на шкаф и сделал совершенно правильный вывод:

— Опять убежала.

— Не убежала, а спряталась, — поправил Кей.

— От тебя.

— Рун!

Я не удержалась от улыбки.

Когда-то мне казалось, что спокойствие необходимо для счастья. Теперь я знала: спокойствие бывает лишь тогда, когда все трое спят. И даже в эти часы приходилось прислушиваться, не проснулся ли кто-нибудь из них.

Шесть лет назад я жила во дворце, где слуги бесшумно открывали двери, а горячую воду приносили раньше, чем я успевала попросить. Теперь у меня была небольшая лечебница на окраине пограничного поселка, собственноручно починенная крыша и трое детей, которые с одинаковым упорством превращали любой день в приключение.

И я не променяла бы их на все дворцы Саарина.

— Ая, убери, пожалуйста, чистые повязки. Рун, не рисуй на стенах. Кей, доставай свою ящерицу и отпускай во двор. У нас скоро будут пациенты.

— Она маленькая, — напомнил сын.

— Поэтому ей особенно неприятно, когда ее ловят большие мальчики.

Он задумался над этим, потом опустился на колени и заглянул под шкаф.

— Я больше не буду тебя лечить, — серьезно пообещал он ящерице. — Только выходи.

Ая закатила глаза.

— Она тебя не понимает.

— А вдруг понимает?

— Тогда она тем более не выйдет.

Дочь забрала со стола стопку повязок и направилась к шкафу. Рун молча последовал за ней.

Я уже собиралась вернуться к работе, когда услышала с улицы тяжелый стук колес.

В нашем поселке повозки появлялись каждый день, но этот звук заставил меня насторожиться. Колеса грохотали неровно, будто возница гнал лошадей по камням, совершенно не заботясь об осях.

Потом кто-то закричал:

— Лекаря! Позовите лекаря!

Я выглянула в окно.

К воротам лечебницы подъезжала грузовая повозка с высоким деревянным бортом. Две лошади были покрыты потом. На козлах сидел незнакомый мужчина в дорожном плаще, а рядом с ним держался за борт молодой наг с бледным, испуганным лицом.

Под плотной тканью, которой укрыли груз, что-то тяжело шевелилось.

— Дети, к Энне, — сказала я.

Кей поднял голову.

— А ящерица?

— Оставь ее в покое. Сейчас же.

По моему голосу дети поняли, что спорить не стоит.

Ая взяла братьев за руки и повела в жилую часть дома. Рун обернулся на пороге, но я уже открывала дверь.

Возница едва успел остановить лошадей.

— Вы госпожа Лиара? — спросил молодой наг.

— Да. Что случилось?

— Помогите ему. Мы думали, он простудился в дороге, но теперь...

Он не договорил. Я подошла к повозке и откинула край покрывала.

Под ним лежал взрослый наг в истинном облике. Верхняя часть его тела оставалась человеческой, однако ниже пояса начинался длинный темно-зеленый хвост, свернутый несколькими тяжелыми кольцами.

Чешуя местами потускнела. На боках выступили сухие белесые участки, а у основания шеи кожа покрылась мелкими неровными пластинками.

Мужчина тяжело дышал. Его глаза были открыты, но взгляд скользил мимо меня.

Я положила ладонь ему на плечо.

— Вы меня слышите?

Он попытался повернуть голову. Губы дрогнули.

— Во...

Вместо следующего слова вырвался хрип.

Я посмотрела на его спутников.

— Сколько ему лет?

— Сорок семь, — ответил молодой наг. — Это мой дядя. Мы ехали из Северных Купелей. Три дня назад у него началось что-то странное. Сначала он не мог полностью вернуть ноги, потом перестал превращаться вообще.

— Он проходил смену кожи?

— Весной. Все было как обычно.

— Ранения? Укусы? Необычная еда?

— Ничего такого.

Я прикоснулась к запястью больного. Пульс был слабым, но ровным. Кожа не казалась горячей. При этом мышцы плеча были настолько напряжены, словно мужчина продолжал выполнять тяжелую работу даже лежа без движения.

— Как его зовут?

— Дарен.

— Дарен, сейчас мы перенесем вас внутрь. Постарайтесь не двигаться.

Он попытался ответить. Из горла снова вырвался невнятный звук.

Я осмотрела край его хвоста.

В истинном облике наги значительно тяжелее людей. Даже крупного взрослого мужчину можно перенести вдвоем, а вот длинный змеиный хвост требует осторожности. Если резко потянуть за кольца, легко повредить мышцы вдоль позвоночника.

— У вас есть теплые камни? — спросила я.

Молодой наг кивнул.

— Два. Мы меняли их на постоялом дворе.

— Хорошо. Положите рядом с хвостом, только не вплотную к коже. Мне понадобятся еще двое взрослых.

Возница побежал за помощью.

Я вернулась в дом и распахнула дверь большой лечебной комнаты.

Когда мы с Энной открывали здесь лечебницу, я настояла на широких проходах и длинном каменном столе с невысоким бортиком. Энна тогда удивлялась, зачем тратить деньги на помещение, рассчитанное на нагов. В поселке жили преимущественно люди, а змеиные семьи предпочитали лечиться у своих.

Но я слишком хорошо знала, что случается с нагом, когда ему становится плохо вдали от горячих источников.

Тогда эта предусмотрительность казалась разумной.

Сейчас я была рада ей впервые за несколько месяцев.

Дарена перенесли на стол с помощью двух соседей. Его хвост уложили на теплую каменную поверхность, подложив свернутые одеяла под наиболее тяжелые участки.

Молодой родственник не отходил от двери.

— Он умрет? — спросил он.

Я подняла голову.

— Пока не знаю. Как вас зовут?

— Ивар.

— Ивар, мне нужна ваша помощь. Расскажите все с самого начала. Не только то, что кажется важным.

Он потер ладонями лицо.

— Мы торговали у северных ворот. Дядя пошел на рынок, вернулся вечером и сказал, что не может согреться. Я решил, он слишком долго пробыл снаружи. Потом началась боль в

спине. Он лег в горячую купель, но ему стало хуже. Наутро он превратился, чтобы облегчить боль, а обратно уже не смог.

Я нахмурилась.

— Он пытался повторить превращение?

— Много раз.

— И каждый раз становилось хуже?

Ивар кивнул.

Это не походило на обычное переохлаждение.

У нагов после длительного пребывания на холоде действительно иногда возникали трудности со сменой облика. Но тепло постепенно восстанавливало их силы. Здесь же горячая вода не помогла, а попытки превращения только усугубили состояние.

Я взяла тонкую деревянную лопаточку, осторожно приподняла чешуйку на предплечье Дарена и осмотрела кожу под ней.

Под чешуей не было ни повреждений, ни воспаления. Подозрительного запаха я тоже не заметила.

— Когда он в последний раз нормально разговаривал?

— Вчера утром. Сегодня только отдельные слова. Иногда совсем не понимает, что я говорю.

Я посмотрела в глаза больному.

— Дарен, сожмите мою руку.

Пальцы едва дрогнули.

— Теперь отпустите.

Он пытался выполнить просьбу, но не смог. Я осторожно разжала его пальцы.

Дарен с трудом управлял мышцами. Одним истощением этого было не объяснить.

— Вы обращались к лекарям в Северных Купелях?

Ивар невесело усмехнулся.

— Нас даже в лечебное крыло не пустили.

— Почему?

— Сказали, что мест нет. Что все купели заняты.

Я подняла глаза.

— Все?

— Там больных много, госпожа. Сначала мы думали, это обычная зимняя хворь. Но потом начали говорить, что у людей змеями ноги становятся. Взрослые наги ночами плачут от боли, некоторые забывают имена собственных жен.

Я медленно опустила лопаточку. Северные Купели считались одним из самых благополучных районов королевства. Горячих источников там хватало на несколько городов. Если даже там больным отказывали в помощи, происходило что-то серьезное.

— Почему вы поехали сюда?

— Мне сказали, что в пограничном поселке живет человеческая лекарка, которая знает болезни нагов.

Я не сразу ответила.

Когда-то придворные лекари смеялись над моими попытками изучать превращения. Человеческой женщине, по их мнению, полагалось заниматься травами и не вмешиваться в вопросы родовой магии.

Теперь незнакомые люди везли больного через перевал ради тех самых знаний.

— Отойдите немного, Ивар. Я попробую облегчить боль.

Я приготовила теплый раствор с вытяжкой серебряного мха. Он помогал при мышечных судорогах, хотя не мог повлиять на само превращение.

Дарен с трудом проглотил несколько глотков.

Потом я осторожно растерла ему плечи и спину минеральным маслом.

Прошло минут двадцать.

Напряжение в мышцах слегка уменьшилось, но хвост оставался неподвижным.

Пальцы на правой руке начали покрываться тонкой зеленоватой чешуей.

Я остановилась.

Чешуя появлялась там, где ее раньше не было.

Болезнь продолжала изменять тело даже без сознательного превращения.

— Ивар, — тихо сказала я, — мне нужно узнать, проходил ли ваш дядя обряд Печати Чистой Крови.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Конечно. Разве бывают наги, которые его не проходили?

Были.

В горных деревнях жили семьи, не доверявшие дворцовым обрядам. Некоторые старики отказывались связывать собственную магию с источниками. Их считали суеверными и отсталыми.

Сархан когда-то говорил мне, что Печать сделала превращения безопаснее. Он гордился этой системой. Я помнила, как открывали первые храмовые купели, и как придворные говорили о начале новой эпохи.

— Когда он проходил обряд?

— Лет десять назад. А что?

— Пока ничего. Просто уточняю.

Я накрыла больного одеялом и попросила Ивара принести из повозки оставшиеся теплые камни.

Когда он вышел, я услышала осторожный шорох за дверью.

— Ая, я просила вас быть с Энной.

Дверь приоткрылась.

Дочь смотрела на меня огромными серьезными глазами.

— Энна отправила нас обедать.

— Значит, нужно идти обедать.

— Я уже поела.

— Так быстро?

— Половину.

Я сложила руки.

— Ая.

Она вздохнула и вошла в комнату.

— Я хотела спросить, ему очень больно?

Я посмотрела на Дарена.

— Да, милая. Но мы стараемся помочь.

Дочь подошла ближе.

Я собиралась остановить ее, однако она вдруг замерла посреди комнаты.

Ее лицо изменилось.

Сначала я подумала, что Ая испугалась больного. Она редко видела нагов в истинном облике, а Дарен выглядел действительно плохо.

Но дочь смотрела не на его хвост. Она смотрела ему в лицо.

— Мам...

— Что случилось?

— Он кого-то зовет.

Я прислушалась.

Дарен лежал неподвижно. Его дыхание оставалось хриплым, но он не произносил ни слова.

— Ты что-то услышала?

Ая кивнула.

— Девочку. Он все время зовет девочку.

У меня по спине пробежал неприятный холод.

— Какую девочку?

Дочь нахмурилась, будто пыталась вспомнить слово.

— Меллу.

Я медленно выпрямилась.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Не знаю.

— Кто тебе его сказал?

— Никто.

Она посмотрела на больного с таким искренним недоумением, что я не стала продолжать расспросы.

— Просто у него там было... — Ая приложила ладонь к собственному лбу. — Как картинка. Маленькая девочка сидит на камне, а он зовет ее. Только она не поворачивается.

Я подошла к дочери и опустилась перед ней на колени.

— Ты видела эту картинку сейчас?

— Да.

— Как во сне?

Ая немного подумала.

— Нет. Во сне я знаю, что сплю. А сейчас как будто вспомнила. Только это ведь не мое.

Дверь снова открылась.

На пороге появился Ивар с теплыми камнями.

Я быстро поднялась.

— Скажите, у Дарена есть дочь?

Он застыл.

— Была.

— Ее звали Мелла?

Камни глухо стукнули друг о друга. Ивар побледнел еще сильнее.

— Откуда вы знаете?

Я не ответила.

Мужчина перевел взгляд на Аю.

— Мелла умерла девять лет назад. Ей тогда было шесть. Упала в старый канал, когда вода поднялась после дождей. Дядя до сих пор ходит к тому месту.

Я почувствовала, как дочь крепче сжала мою руку.

Дарен внезапно дернулся. Его глаза наполнились слезами.

— Ме... — выдохнул он.

Потом губы сомкнулись.

Ая испуганно прижалась ко мне.

— Мам, я ничего ему не делала.

— Я знаю.

— Он ведь не сердится?

— Нет, милая.

Я обняла дочь и поцеловала в макушку.

В детстве я видела немало проявлений магии. Даже среди людей встречались те, кто чувствовал присутствие яда в воде или мог определить болезнь по прикосновению.

Но Ая не прикасалась к Дарену. Она узнала воспоминание, о котором никто не рассказывал. И это было гораздо опаснее обычного детского превращения.

Если придворные узнают о такой способности, они не оставят дочь в покое.

Эта мысль еще не успела оформиться, когда из коридора раздался голос Кея:

— Мам, а почему Ае можно, а нам нельзя?

Я закрыла глаза.

Разумеется.

В дверях стояли оба брата.

Рун держал дощечку. Кей прижимал к груди маленький деревянный кораблик, который Энна вырезала для него прошлой зимой.

— Мы не будем мешать, — пообещал он.

— Кей, я просила вас оставаться в кухне.

— Но там суп.

— И что?

— Он невкусный.

— Потому что ты не ел его, а прятал хлеб под столом, — вмешалась Ая.

— Я хотел накормить ящерицу!

— Ящерицы не едят хлеб!

Пока дети спорили, Дарен застонал.

Кей сразу замолчал.

Он посмотрел на больного и медленно подошел ко мне.

— У него болит?

— Да.

— А ты поможешь?

— Я стараюсь.

Сын отпустил мою юбку и направился к столу.

— Кей, стой.

Но он уже протянул руку.

Это было совершенно обычное детское движение. Так Кей касался моего лба, когда я уставала, и гладил брата и сестру по голове, если кто-нибудь из них плакал.

Его маленькая ладонь легла на покрытую чешуей кисть Дарена.

Сначала ничего не произошло.

Потом я увидела, как между зелеными пластинками проступила обычная человеческая кожа.

Чешуя медленно отступала от пальцев больного.

Один палец разогнулся. За ним второй. Дарен шумно вдохнул. Его рука, до этого скованная, сжала край одеяла.

— Воды, — отчетливо произнес он.

Ивар выронил камни.

Я схватила Кея за плечи и оттащила от стола.

На лице сына выступили красные пятна.

— Мам, мне жарко.

Я приложила ладонь к его лбу. Кожа была горячей. Гораздо горячее, чем прежде.

— Сядь.

— Я хотел помочь...

— Знаю. Сядь, пожалуйста.

Я усадила его на скамью, расстегнула ворот рубашки и позвала Энну.

Дарен снова застонал.

На его пальцах начали проступать мелкие чешуйки.

Через несколько мгновений рука вернулась к прежнему состоянию.

Но я уже видела достаточно.

Кей не просто согрел больного. На короткое время он помог его телу восстановить человеческую форму.

Энна появилась в дверях, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Что произошло?

— Принеси прохладной воды. И забери Аю с Руном.

Она посмотрела на Кея, потом на больного, на мое лицо и не стала задавать вопросов.

За это я особенно любила Энну.

Когда я приехала в поселок после развода, она была единственной, кто не спросил, почему верховный наг выгнал собственную жену.

Энна увидела, что я беременна, у меня почти нет денег, а до ближайшей больницы несколько часов дороги, и предложила пожить у нее. Потом она принимала у меня роды, первые месяцы вставала к детям по ночам, когда я уже не чувствовала рук от усталости. А когда мы решили открыть лечебницу, отдала свои сбережения на покупку старого дома.

Деньги я ей давно вернула. Долг был другого рода, и мы обе об этом знали.

Энна принесла воду.

Я напоила Кея, намочила полотенце и осторожно приложила к его шее.

— Голова кружится?

Он кивнул.

— Немножко.

— Тошнит?

— Нет.

— Руки болят?

— Нет, мам.

Он посмотрел на меня с опаской.

— Ты сердишься?

Я провела пальцами по его светлым волосам.

— Я испугалась.

— А я хотел, чтобы дяденька перестал болеть.

— Знаю.

— Он же попросил воды. Значит, у меня получилось?

Я не стала лгать.

— На несколько мгновений ему стало лучше. Но тебе самому стало плохо. Так делать нельзя, пока мы не поймем, что происходит.

Кей задумался, потом спросил:

— А если я научусь, можно будет?

— Сначала надо вырасти.

Это был не совсем ответ.

Но ничего другого я пока не могла ему предложить.

Энна забрала детей в жилую часть дома.

Ивар стоял возле стола и смотрел на дядю так, словно увидел воскресшего мертвеца.

— Госпожа Лиара, что это было?

Я поправила одеяло на хвосте Дарена.

— Пока не знаю.

— Ваш мальчик...

— Он ребенок, Ивар.

Мужчина опустил глаза.

— Я понимаю.

— Нет. Вы сейчас думаете, что он способен вылечить вашего дядю.

Он не ответил.

— Посмотрите на его руку, — продолжила я. — Изменение продержалось меньше минуты. А Кей после этого едва удержался на ногах. Если повторить такое несколько раз, я не знаю, что случится с ними обоими.

Ивар тяжело выдохнул.

— Простите. Я не хотел...

— Я понимаю, почему вы надеетесь. Но детей я подвергать опасности не стану.

Он кивнул.

Я налила Дарену еще немного воды и проверила дыхание.

Несмотря на кратковременное улучшение, его состояние оставалось тяжелым.

Нужно было искать причину болезни, а не пытаться силой вернуть прежний облик.

— Вы останетесь здесь на ночь, — сказала я Ивару. — У нас есть свободная комната. Завтра я попробую связаться с лекарями из Южного Уступа. Возможно, у них уже встречались похожие случаи.

— А если нет?

Я посмотрела на Дарена.

— Тогда будем разбираться сами.

Ивар опустил голову.

Он выглядел совсем молодым. Наверное, едва исполнилось двадцать.

— Спасибо, госпожа.

Я хотела сказать, что благодарить пока не за что, но промолчала.

За годы работы я усвоила простую вещь: иногда людям необходимо за что-нибудь благодарить. Особенно когда другого утешения у них нет.

Постепенно нам удалось немного стабилизировать состояние больного.

Дарен перестал метаться, хотя по-прежнему не мог вернуть человеческий облик.

Энна отвела Ивара на кухню и поставила перед ним тарелку горячей похлебки.

Я осталась в лечебнице, заполняя записи. Возраст. Симптомы. Продолжительность болезни. Отсутствие признаков отравления. Участие в обряде Печати.

Последнюю строчку я подчеркнула дважды.

Потом открыла старую тетрадь, куда много лет записывала все, что удавалось узнать о нагской магии.

Некоторые страницы были пожелтевшими. На нескольких сохранились пометки, сделанные еще во дворце.

Почерк там был другим — аккуратным, ровным. Тогда у меня хватало времени переписывать записи набело, а рядом с письменным столом всегда стоял свежий чай.

Я перелистнула страницу.

Внутри лежал маленький засушенный цветок.

Белые лепестки почти рассыпались от времени.

Сархан когда-то принес мне его из южных садов.

Это было в первый год нашего брака. После позднего заседания совета Сархан оставил цветок между страницами книги, над которой я уснула. Утром я нашла его там. Тогда он еще замечал подобные мелочи.

Я долго смотрела на сухие лепестки. Затем закрыла тетрадь. Не стоило вспоминать прошлое посреди рабочего дня. Тем более то прошлое, в котором мне уже не было места.

Когда во дворе снова застучали копыта, я решила, что приехал очередной пациент.

Но шаги за дверью были слишком уверенными.

Человек остановился на крыльце и несколько раз постучал.

Я открыла.

Передо мной стоял мужчина в темно-синем дорожном плаще. На груди виднелась серебряная пластина с изображением трех переплетенных змей.

Герб правящего дома Саарина.

Я узнала его раньше, чем успела рассмотреть лицо посланника.

— Госпожа Лиара?

— Да.

— Я прибыл из Ар-Каара.

— Вижу.

Мужчина слегка нахмурился.

Видимо, он ожидал иной реакции.

— Мне поручено передать вам письмо верховного нага.

Я не сразу протянула руку.

Шесть лет.

Шесть лет Сархан не интересовался, где я живу, хватает ли мне денег, не заболела ли я, не нуждаюсь ли в помощи.

Пять лет он не отвечал ни на одно мое обращение после того, как отказался признать детей.

А теперь его посланник стоял на моем крыльце, словно между нами не произошло ничего, кроме долгой разлуки.

— Передавайте, — сказала я.

Мужчина достал из кожаного футляра плотный лист бумаги, перевязанный черной лентой.

Печать была настоящей.

Верховный наг редко использовал черный сургуч. Им отмечали распоряжения, которые касались правящего дома.

Я взяла письмо, но не пригласила посланника войти.

Он остался стоять передо мной.

— Мне приказано дождаться ответа.

— Тогда придется подождать.

— Госпожа, распоряжение срочное.

— Я умею читать.

Мужчина поджал губы.

Я закрыла дверь.

В лечебнице пахло травами, теплым камнем и немного дымом. Сквозь окно доносились голоса детей. Кей смеялся над чем-то так заразительно, что ему вторил даже обычно молчаливый Рун.

Я положила письмо на стол.

Несколько мгновений смотрела на сургуч.

Потом осторожно сломала печать.

«Госпоже Лиаре, ранее состоявшей в браке с верховным правителем Саарина».

Уже первые слова заставили меня криво усмехнуться.

Не просто Лиаре и уж тем более не матери его детей: только прежний брачный статус.

«В связи с возникновением обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к безопасности правящего дома, предписывается прибыть в столицу Ар-Каар для установления происхождения трех несовершеннолетних, предположительно имеющих кровное родство с верховным нагом».

Я перечитала предложение.

Предположительно.

Пять лет назад я отправила Сархану письмо, в котором сообщила о рождении Аи, Кея и Руна.

Я указала дату родов. Приложила заверенное Энной свидетельство. Написала, что дети появились раньше срока и первые недели были слабыми, но теперь здоровы.

Я ничего не просила для себя. Только признать их.

Первое письмо осталось без ответа.

Через четыре месяца я отправила второе.

На этот раз потребовала провести проверку родства, чтобы дети могли получить хотя бы законную защиту отца.

Ответ пришел спустя три недели.

Два сухих предложения под печатью дворцовой канцелярии.

«Оснований для установления родства не выявлено. Ходатайство оставлено без рассмотрения по распоряжению правящего дома».

Я тогда просидела с этим листом почти целую ночь.

Ая спала у меня на руках.

Кей лежал в люльке возле кровати, а Рун никак не мог успокоиться после кормления.

Утром я сожгла письмо.

Мне казалось, что вместе с ним смогу избавиться хотя бы от части боли.

Теперь передо мной лежал новый приказ.

«Госпоже Лиаре надлежит прибыть с детьми в течение трех суток с момента получения настоящего распоряжения. Уклонение от установленной проверки может повлечь применение мер, предусмотренных законами Саарина».

Ниже стояла официальная печать. Подписи Сархана не было.

Я прочитала письмо еще раз.

Потом сложила его пополам и вышла во двор.

Посланник стоял возле лошади.

— Как вас зовут?

— Корн, госпожа.

— Корн, скажите вашему правителю, что я получила его письмо.

— И когда вы прибудете?

— Не прибуду.

Он выпрямился.

— Госпожа, возможно, вы не вполне поняли содержание распоряжения.

— Я поняла его отлично.

— Верховный наг желает установить происхождение детей.

— Пять лет назад ему уже предлагали это сделать.

Корн отвел взгляд.

По этому движению мне показалось, что он знает о прежнем отказе. Может быть, не все подробности, но достаточно, чтобы ему стало неловко.

— Я всего лишь передаю распоряжение, — произнес мужчина.

— Тогда передайте и мой ответ.

Он явно не ожидал, что все закончится так быстро.

— Мне необходимо получить его письменно.

— Подождите здесь.

Я вернулась в лечебницу, достала чистый лист и написала несколько строк.

«Полученное распоряжение не содержит оснований, позволяющих разлучить несовершеннолетних детей с их матерью или принудительно доставить их для проведения магических обрядов. До предоставления таких оснований и независимых гарантий безопасности прибытие в Ар-Каар считаю невозможным».

Подписала своим именем: Лиара. Без титулов и фамилии правящего дома, которую у меня отобрали вместе с брачным обручем.

Я передала лист посланнику.

Он прочитал и побледнел.

— Госпожа, вы понимаете, что это отказ исполнить приказ верховного нага?

— Понимаю.

— Тогда мне нечего добавить.

— Мне тоже.

Корн поклонился куда холоднее, чем при встрече, вскочил в седло и направил лошадь к воротам.

Я смотрела ему вслед, пока он не свернул на главную улицу.

Только тогда заметила, что слишком крепко сжимаю левое запястье. Под пальцами ощущался тонкий неровный след. Серебристый шрам, оставшийся после размыкания брачного обруча.

Прошло шесть лет, а кожа так и не восстановилась полностью.

Я провела по нему большим пальцем.

Сархан всегда говорил, что родовые клятвы невозможно забыть без следа.

Когда-то мне казалось, что это красиво.

Теперь я знала, насколько буквально следует понимать подобные обещания.

— Лиара?

Я обернулась.

На крыльце стояла Энна.

За ее спиной виднелась открытая дверь кухни.

— Кто это был?

— Посланник из дворца.

Она сразу перестала улыбаться.

— Из какого дворца?

— Других у меня в прошлом не было.

Энна спустилась по ступеням.

Несколько мгновений она молча рассматривала мое лицо.

— Он узнал?

— Не знаю.

— Что значит не знаешь?

Я показала письмо.

Энна читала медленно, иногда шевеля губами.

Закончив, она аккуратно сложила лист.

— Значит, теперь ему понадобились дети.

— Именно.

— И чего он хочет?

— Чтобы мы приехали в столицу и прошли проверку.

Энна подняла голову.

— Ту самую, которую он отказался провести пять лет назад?

Я кивнула.

Она выругалась. Не особенно громко, но от души. Потом еще раз перечитала последнюю строчку.

— Что за меры предусмотрены законами?

— Не знаю.

— Ты ведь знаешь их законы.

— Не все.

Я слишком хорошо помнила, как относились в Саарине к человеческим женщинам. Даже законная супруга правителя не могла свободно участвовать в решениях совета.

А уж разведенная жена без титула значила для них меньше обычной придворной служанки.

Но за шесть лет многое могло измениться.

Энна протянула мне письмо.

— Нужно уезжать.

Я посмотрела на нее.

— Куда?

— К моей сестре в Ровен. Там людские земли. Его стража не сможет просто войти и забрать детей.

— Ивар привез тяжелобольного. Я не могу бросить его одного.

— Я останусь.

— Ты умеешь делать перевязки, но не лечить нарушение превращения.

Энна раздраженно вздохнула.

— Так научи меня, что делать до утра. Лиара, я принимала у тебя роды. Помню, как ты три дня почти не спала, потому что мальчики никак не могли удерживать тепло. Помню, как ты боялась потерять их. И не собираюсь сейчас спокойно смотреть, как кто-то повезет их в тот проклятый дворец.

Я опустила глаза.

В первые недели после рождения тройни мне действительно казалось, что я не справлюсь.

Дети появились маленькими.

Ая почти сразу начала набирать вес, но мальчики плохо переносили холод. Даже летом мне приходилось постоянно согревать их постели. Энна приносила из пекарни теплые камни, а я сидела рядом, проверяя дыхание каждого.

Тогда я еще надеялась, что Сархан ответит. Хотя бы пришлет лекаря. Хотя бы спросит, живы ли дети. Он не спросил.

— Я подумаю, — сказала я.

Энна крепко сжала мою руку.

— Только не слишком долго.

Мы вернулись в дом.

В кухне пахло тушеными овощами и свежим хлебом. Ая сидела за столом и старательно разрезала яблоко на четыре части. Кей ковырял ложкой кашу. Рун разложил перед собой несколько маленьких камней.

Увидев меня, дочь сразу подняла голову.

— Мам, дяденьке лучше?

— Пока не очень. Но ему стало спокойнее.

— А тому мальчику, который с ним приехал, можно дать пирог?

Я улыбнулась.

Ая называла мальчиками всех, кто был моложе меня.

Ивару это вряд ли понравилось бы.

— Можно. Только спроси у Энны, остался ли пирог.

Дочь спрыгнула со стула.

Кей посмотрел на меня поверх тарелки.

— Мам, я больше так не буду.

Я поняла, о чем он.

Подошла и присела рядом.

— Хорошо.

— Даже если дяденька попросит.

— Даже тогда.

Он немного помолчал.

— А почему у меня получилось?

Я не хотела пугать его.

Но и обещать, что все было случайностью, не собиралась.

— Потому что ты наг, Кей. В тебе есть магия, которую мы пока не понимаем.

Сын задумчиво посмотрел на собственные ладони.

— Как у нашего папы?

На мгновение стало трудно говорить.

О своем отце дети знали.

Я никогда не рассказывала им выдуманных историй о том, что он погиб, пропал или просто не подозревает об их существовании.

Они знали, что их отец — верховный наг Саарина. Знали, что когда-то мы были женаты. И что теперь живем отдельно.

Но пятилетние дети не обязаны понимать, почему взрослый мужчина, способный управлять целым королевством, не нашел времени приехать к собственным сыновьям и дочери.

— Да, — ответила я. — Похоже, как у папы.

Кей просиял.

— А я тоже смогу стать большим змеем?

— Возможно. Когда вырастешь и научишься управлять своим обликом.

— А очень большим?

— Не знаю, милый.

— Вот таким?

Он вытянул руки в стороны.

— Может быть.

— А как дом?

— Надеюсь, не настолько большим, чтобы нам пришлось строить для тебя отдельный сарай.

Кей рассмеялся.

Рун поднял глаза от камней.

— Если большой, он в дверь не пролезет.

— Я через окно!

— Окно еще меньше, — заметила Ая, вернувшаяся с пирогом.

— Тогда через крышу!

— Крыша сломается.

— Вы все специально!

Я слушала их спор и чувствовала, как постепенно отпускает напряжение.

Они были еще маленькими. Мои шумные, упрямые, иногда совершенно невыносимые дети.

Им пока были важнее ящерицы, яблоки и возможность превратиться в огромного змея, чем законы королевства.

И я хотела, чтобы так оставалось как можно дольше.

После обеда Кей уснул почти сразу.

Я проверила его температуру. Жар прошел, дыхание было ровным.

Ая устроилась возле окна с книжкой сказок. Рун попросил у меня чистую дощечку, потому что старая уже была покрыта рисунками с обеих сторон.

Я принесла ему кусок дерева из кладовой.

— Только не рисуй углем на полу.

Он серьезно кивнул.

— Не буду.

Через пять минут я обнаружила, что он рисует на собственном колене.

В другое время я непременно сделала бы ему замечание.

Но сегодня только вздохнула и принесла влажную тряпку.

Во второй половине дня состояние Дарена немного стабилизировалось.

Он больше не пытался говорить, но реагировал на прикосновения и смог выпить несколько глотков теплого отвара.

Я измерила температуру камня под его телом и попросила Ивара следить, чтобы тот не остывал.

Потом отправилась на склад за новой порцией серебряного мха.

Запасов оставалось совсем мало.

До следующей поставки еще неделя. Я мысленно пересчитала деньги в ящике стола, стоимость лекарств, плату за отопление и продукты.

Если придется уезжать, все это станет проблемой.

Но хуже было другое.

Я не знала, куда можно уехать от человека, чья власть распространялась на большую часть известных мне земель.

За пределами Саарина существовали человеческие города. Однако между государствами действовали договоры о выдаче беглецов, нарушивших магические законы.

Пока мои дети считались обычными человеческими подданными, я могла выбирать, где жить.

Но стоило храму официально признать их нагами правящей крови...

Я не стала заканчивать эту мысль.

Слишком многое зависело от того, о чем я пока ничего не знала.

Под вечер Энна отправилась к знакомому торговцу узнать, когда ближайший караван собирается в Ровен.

Я попросила ее не рассказывать никому о письме.

Она обещала.

Солнце опускалось за горные вершины.

В окнах домов напротив начали зажигаться огни. Из пекарни тянуло свежим хлебом, а по улице возвращались с работы каменщики.

Наш поселок жил привычной жизнью.

Здесь не было роскошных дворцов. Не было подземных каналов, наполненных золотистым светом. Но люди здоровались друг с другом на улице, помогали соседям во время болезни и не спрашивали, какой родовой кровью ты обязан своим существованием.

Именно поэтому я выбрала это место.

Я стояла у открытого окна, когда услышала за спиной тихие шаги.

Ая подошла и положила свою ладонь мне на руку.

— Мам, ты грустная?

Я посмотрела на дочь.

— Немного устала.

Она помолчала.

— Это из-за больного дяденьки?

— Не только.

Ая придвинулась ближе.

— А можно я тебе помогу?

Я присела, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

— Ты уже помогла. Сегодня ты очень хорошо заботилась о братьях.

Дочь задумалась.

— Кей все равно не слушается.

— Это правда.

— И Рун нарисовал на ноге.

— Я видела.

Ая вздохнула, словно прожила долгую и тяжелую жизнь.

Потом вдруг спросила:

— А наш папа красивый?

Я не ожидала этого вопроса.

Когда-то Сархан был одним из самых красивых мужчин, которых я встречала.

Высокий, сильный, с темными волосами и необыкновенными янтарными глазами. В его истинном облике черно-золотая чешуя переливалась при свете горячих источников.

Я помнила, как впервые увидела его на берегу подземной реки.

Он тогда смеялся над чем-то, сказанным товарищем, и казался совершенно не похожим на холодного правителя, которого боялись придворные.

Я влюбилась в него задолго до того, как поняла, насколько опасно бывает любить человека, привыкшего к власти.

— Да, — ответила я. — Красивый.

— А почему ты с ним больше не живешь?

Я погладила дочь по волосам.

— Потому что мы не смогли остаться семьей.

— А с нами он тоже не может?

Вот теперь мне стало больно по-настоящему.

Я могла бы ответить, что у него важные дела. Что правители заняты. Что он не знает, как с ними познакомиться. Но все это было бы неправдой.

Сархан знал о детях. У него было достаточно времени. И он ничего не сделал.

— Он не захотел быть с нами, Ая, — сказала я осторожно. — Это его решение. Вы ни в чем не виноваты.

Дочь опустила глаза.

— А если мы к нему приедем, он захочет?

Я обняла ее крепче.

— Не знаю, солнышко.

Она долго молчала.

Потом прижалась щекой к моему плечу.

— Мне и без него хорошо.

Я закрыла глаза.

Мне хотелось, чтобы это оставалось правдой. Чтобы однажды дети не начали спрашивать, чем они хуже тех, у кого отец приходит домой каждый вечер. Чтобы не пришлось объяснять, почему их собственный отец предпочел не узнавать их имен.

Но рано или поздно подобные вопросы все равно появились бы.

Возможно, гораздо раньше, чем я надеялась.

Ая вдруг отстранилась.

— Мам, а тот дяденька все еще зовет Меллу.

Я насторожилась.

— Ты сейчас его слышишь?

Она кивнула.

— Только тихо. Как будто издалека.

Я посмотрела на дверь лечебницы.

Дарен находился за двумя стенами и длинным коридором. Ничего услышать оттуда было невозможно.

— Тебе от этого больно?

— Нет.

— Голова не кружится?

— Нет, мам.

— Если станет страшно или неприятно, сразу говори мне. Хорошо?

Ая серьезно кивнула.

Я поцеловала ее в лоб.

За окном окончательно стемнело.

Вскоре Энна вернулась от торговца.

Караван в Ровен отправлялся через два дня.

Мест было мало.

Едва узнав о возможности уехать, я начала собирать дорожную сумку. Я еще не решила, бежать ли, но хотела быть готовой.

Положила несколько комплектов детской одежды, теплые чулки, бинты, лекарственные настойки и маленькую металлическую коробочку с документами.

В ней хранились свидетельства о рождении тройни.

Я достала их и внимательно перечитала.

Ая. Кей. Рун. В графе об отце стоял прочерк: пять лет назад я не имела права вписать известное мне имя без согласия правящего дома.

Я долго смотрела на пустое место.

Потом убрала документы обратно.

— Ты действительно думаешь уезжать? — спросила Энна.

Она стояла у двери.

— Не знаю.

— Это разумнее, чем ждать стражу.

— Возможно.

— Что тебя останавливает?

Я застегнула коробочку.

— Если они уже знают о способностях детей, в Ровене нас тоже найдут.

Энна не ответила.

— Сначала нужно понять, на каком основании Сархан требует нас привезти. Если это обычное распоряжение правителя, его можно оспорить за пределами Саарина. Но если дело касается родовой магии...

— Что тогда?

Я покачала головой.

— Тогда все гораздо сложнее.

Энна села на край кровати.

— Лиара, ты ведь столько лет прожила среди нагов. Разве не знаешь, какие у них законы?

— Знаю те, которые касались жены верховного правителя.

— А теперь?

Я посмотрела на спящих детей.

— А теперь я мать троих маленьких нагов, которых их отец отказался признать.

Энна взяла меня за руку.

— Мы что-нибудь придумаем.

Я слабо улыбнулась.

— Обязательно.

Мы еще немного посидели молча.

Потом она отправилась проверить Дарена, а я погасила свет в детской.

Кей спал на животе, раскинув руки. Ая прижимала к груди тряпичную куклу. Рун свернулся на боку, подложив ладонь под щеку.

Я поправила одеяло на каждом.

У двери задержалась.

В доме было тихо.

Только из лечебницы доносился негромкий голос Ивара, который что-то рассказывал дяде.

Я уже собиралась закрыть дверь, когда снаружи раздался стук. Негромкий. Три размеренных удара.

Я замерла.

Энна вышла из коридора.

— Кто там?

— Не знаю.

Стук повторился.

Я взяла со стены маленький фонарь и пошла к входной двери.

На всякий случай прихватила тяжелый железный засов, которым обычно подпирала створку во время сильного ветра.

За дверью стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, в темном дорожном плаще. На плечах лежала пыль горных дорог, а короткие черные волосы были влажными от вечернего тумана.

Он держался спокойно, но в его неподвижности ощущалась привычка человека, которому редко приходилось опасаться нападения.

Свет фонаря скользнул по его лицу. Прямой нос. Резко очерченные скулы. Небольшой старый шрам у подбородка.

Глаза оказались серо-зелеными, с узкими вертикальными зрачками.

Наг.

Я крепче сжала засов.

— Кто вы?

Мужчина посмотрел сначала на меня, потом на железо в моей руке.

— Тайр из рода хранителей Северных Затворов.

Имя мне ничего не говорило. Но род был известен.

Хранители обслуживали старые подземные источники еще до появления нынешней правящей династии.

Их считали упрямыми, независимыми и крайне неприятными людьми, когда дело доходило до вмешательства короны в работу каналов.

— Чем могу помочь?

— Мне нужно поговорить с госпожой Лиарой.

— Вы с ней разговариваете.

Он чуть склонил голову.

— Тогда позволите войти?

— Смотря зачем.

Вместо ответа Тайр достал из-под плаща небольшой медный знак.

На нем были изображены два расходящихся водных потока и каменный затвор между ними.

Настоящий знак хранителя.

Я видела подобные во дворце, хотя никогда не держала их в руках.

— Я прибыл из Ар-Каара, — сказал он. — И хотел бы поговорить с вами о ваших детях.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Если вас прислал Сархан, передайте, что мой ответ уже отправлен.

— Меня прислал не верховный наг.

— Тогда кто?

— Я приехал по собственному решению.

— Очень трогательно. Но поздний вечер — не лучшее время для визитов к чужим детям.

Он посмотрел на меня внимательнее.

В его взгляде не было ни раздражения, ни привычного придворного превосходства.

— Я не прошу показать мне детей, госпожа Лиара. И не собираюсь требовать, чтобы вы немедленно отправились в столицу.

— Тогда зачем вы здесь?

— Чтобы предупредить.

Где-то за моей спиной скрипнула половица.

Энна подошла ближе.

Тайр заметил ее, но продолжил говорить только со мной.

— Сегодня людям Совета Источников стало известно, что двое из ваших детей проявили необычные родовые способности.

Я молчала.

— Одна девочка, — продолжил он, — смогла определить личное воспоминание тяжелобольного нага. Один мальчик на короткое время восстановил поврежденное превращение. О третьем пока ничего достоверного неизвестно.

Я почувствовала, как внутри поднимается ярость.

Все произошло только сегодня.

Еще утром никто, кроме нас, не знал об особенностях Аи и Кея.

Ивар отлучался всего на несколько часов, чтобы забрать вещи с повозки и купить корм лошадям.

Неужели успел кому-то рассказать?

Тайр, видимо, понял мою мысль.

— Сведения передал не родственник вашего пациента. В Северных Купелях уже несколько дней ищут детей, способных влиять на течение болезни. Когда стало известно, куда повезли одного из больных, совет направил людей проверить слухи. Они расспрашивали жителей поселка еще до моего приезда.

Я нахмурилась.

— Сегодня сюда приезжал только один посланник.

— Посланник прибыл с письмом. Остальные могли не представляться.

Мне это не понравилось.

Совсем не понравилось.

— Допустим, вы говорите правду. Что дальше?

— Завтра или послезавтра храм может потребовать доставить детей для проверки происхождения и безопасности пробудившейся магии.

— Я уже отказалась.

— Знаю.

— Тогда зачем повторяете?

Тайр посмотрел на засов в моей руке.

— Потому что ваш отказ не остановит людей, которые считают, что действуют по закону.

За моей спиной Энна тихо выругалась.

Я сделала шаг вперед.

— Мои дети не совершили ничего противозаконного.

— Я этого и не утверждаю.

— Тогда почему храм вообще имеет к ним отношение?

Он помолчал.

— Вы слышали о Законе Отвергнутой Крови?

Я нахмурилась.

Название было знакомым.

Когда-то я видела его в старом сборнике придворных постановлений. Закон относился к спорам о наследовании, и читать его подробно мне тогда не позволили.

Сархан сказал, что подобные документы не имеют отношения к нашей семье.

Я поверила.

Теперь вспомнила об этом разговоре с неожиданной отчетливостью.

— Закон о непризнанных детях правящих родов?

— Да.

— Он защищает их право на наследство.

— Первоначально защищал.

Тайр произнес это спокойно, без особого нажима.

И именно поэтому его слова прозвучали особенно неприятно.

— Что изменилось? — спросила я.

— Слишком многое. Но главное заключается в том, что после пробуждения родового дара храм может потребовать установить над непризнанными детьми специальную опеку.

— У них есть мать.

— Знаю.

— Живая. Дееспособная. Которая пять лет их воспитывает.

— Знаю и это.

— Тогда никакого основания для опеки быть не может.

Тайр посмотрел мне прямо в глаза.

— Основание существует, если отец правящей крови официально отказался признать детей.

Я почувствовала, как немеют пальцы.

— Сархан отказался проводить проверку. Это не одно и то же.

— В обычных обстоятельствах — нет.

— А в наших?

Он медленно выдохнул.

— Госпожа Лиара, я приехал именно потому, что ваши обстоятельства перестали быть обычными.

Мне хотелось захлопнуть дверь перед его лицом.

Хотелось сказать, чтобы он убирался обратно в столицу со всеми своими законами, хранителями и храмовыми советниками.

Но за дверью спали мои дети.

И мужчина, который стоял передо мной, явно знал больше, чем я.

— Что вы предлагаете? — спросила я.

— У хранителей есть право предоставить вам временную независимую защиту до официального решения суда. Это не отменит претензии храма, но позволит потребовать проверки и не даст провести обряд без разбирательства.

— Какой обряд?

Тайр задержал на мне взгляд.

— Вы действительно хотите обсуждать это на крыльце?

Я поколебалась.

Потом отступила в сторону.

— Входите. Но предупреждаю сразу: к детям вы не подойдете без моего разрешения.

— Я не собирался.

Он вошел.

Только теперь я заметила, что мужчина немного прихрамывает на левую ногу. Совсем слабо, почти незаметно, но человек, привыкший наблюдать за движениями пациентов, не мог этого упустить.

Тайр снял плащ.

Под ним оказалась простая темная рубашка с высоким воротом, кожаный пояс и дорожный жилет с металлическими застежками. На левом предплечье виднелся длинный серебристый ожог.

Никаких драгоценностей. Никаких придворных знаков власти, кроме медного жетона хранителя. Он выглядел человеком, который действительно много времени проводит в подземных каналах, а не просто носит почетный титул.

Я указала на стол.

— Садитесь.

Тайр остался стоять.

— Сначала хочу показать вам один документ.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист плотной бумаги.

По краям виднелись следы старой печати.

— Что это?

— Выписка из архива правящего дома. Я получил ее как хранитель, проверяющий основания для применения родового закона.

Я взяла лист.

На первой строке значилась дата. Пять лет назад. Через несколько месяцев после рождения тройни. Ниже следовало мое имя. Лиара, бывшая супруга верховного правителя Саарина.

Я начала читать.

«Рассмотрев повторное ходатайство об установлении происхождения трех несовершеннолетних детей, рожденных после расторжения брачного союза...»

Глаза скользили по знакомым словам.

Я помнила то письмо. Помнила, как долго подбирала выражения, чтобы просьба не выглядела обвинением. Как старательно перечисляла даты. Как просила не денег, не титула, не возвращения во дворец. Только проверки родства.

И получила отказ.

Но в архивной выписке имелось то, чего я никогда не видела.

Последняя строка.

«В проведении родовой проверки отказать. Дальнейших обращений по данному вопросу не принимать без моего особого распоряжения».

Под ней стояла подпись.

Не печать канцелярии.

Не сухая помета чиновника.

Личная подпись Сархана.

Я узнала ее сразу.

Сколько раз видела эти ровные, немного наклоненные буквы на приказах, приглашениях и записках, которые он оставлял мне в первые годы брака.

Я даже помнила, как однажды он учил меня выводить древний знак своего рода.

Тогда он смеялся, потому что у меня никак не получалась последняя черта.

Теперь эта самая черта завершала распоряжение, которым он вычеркнул троих собственных детей из своей жизни.

Я опустила лист.

— Он сам подписал?

Тайр не отвел взгляда.

— Да.

— Не совет?

— Нет.

— Не секретарь?

— Нет, госпожа Лиара.

Я посмотрела на документ еще раз.

Пять лет я пыталась убедить себя, что Сархан не знал всей правды. Что ему не передали мое письмо. Что придворные воспользовались разводом и скрыли от него известие о детях.

Мне было легче верить в равнодушие чиновников, чем признать, что мужчина, которого я когда-то любила, сознательно отказался от Аи, Кея и Руна.

Теперь оправданий не осталось.

Я положила бумагу на стол.

Серебристый след на запястье внезапно показался особенно отчетливым.

— Значит, он все знал.

Тайр промолчал.

Из детской донесся сонный голос Кея. Мальчик позвал меня, потом, не дождавшись ответа, снова затих.

Я посмотрела в сторону коридора.

Потом на незнакомого нага, который принес в мой дом прошлое, от которого я столько лет пыталась убежать.

— Скажите мне одну вещь, Тайр.

— Слушаю.

— Если Сархан пять лет назад отказался от детей, почему теперь его дворец имеет право их требовать?

Тайр медленно сложил руки за спиной.

— Потому что отказ верховного нага не сделал ваших детей свободными, Лиара.

Он впервые назвал меня по имени.

— Он сделал их детьми, за которых теперь вправе решать храм.

Глава 2. Дорога под горой

— Значит, пять лет назад мой бывший муж отказался от детей, а теперь его собственный отказ позволяет храму забрать их у меня?

Тайр не торопился отвечать. Он стоял возле стола, на котором лежала архивная выписка, и, казалось, понимал, что после прочитанного я едва сдерживаю желание выставить его за дверь.

— Закон не дает храму права просто забрать детей, — произнес он наконец. — По крайней мере, не в том смысле, который вы сейчас вкладываете в эти слова.

— А в каком смысле мне следует их понимать?

— Мать сохраняет право воспитывать ребенка. Но когда у непризнанных потомков правящего рода пробуждается магия, храм может потребовать установить над ними особую опеку. Она касается обучения, места проживания и участия в родовых обрядах.

— Очень утешительно. Мне разрешат кормить собственных детей, пока кто-то другой будет решать, что с ними делать?

— Именно поэтому я приехал раньше храмовой стражи.

Я взглянула на Энну. Она стояла у двери, скрестив руки на груди, и не сводила с гостя настороженного взгляда.

— Кто вам сказал о моих детях? — спросила я.

— Совет получил сведения о необычных способностях троих полукровок. Официального подтверждения их происхождения пока нет, но ваше прежнее прошение уже извлекли из архива.

— И вы решили сделать доброе дело, предупредив совершенно незнакомую женщину?

— Я решил не допустить, чтобы троих пятилетних детей увезли в храм прежде, чем кто-нибудь выяснит, чем именно они могут быть полезны больным.

— Значит, они нужны вам по той же причине, что и совету.

Тайр посмотрел на меня внимательнее.

— Мне необходимо понять, что происходит с источниками. Детям необходима защита. Эти обстоятельства связаны, но нужда больных не дает мне права распоряжаться судьбой детей.

Он говорил спокойно, без попытки понравиться. Такая сдержанность раздражала меня почти сильнее, чем придворная учтивость, к которой я привыкла за годы замужества.

— А если я никуда не поеду?

— Совет направит требование о проверке происхождения. Если вы откажетесь, назначит слушание без вашего присутствия.

— Без меня нельзя установить, кто отец моих детей.

— Само происхождение пока действительно не установлено. Но для предварительного решения храму достаточно сведений о пробуждении родовой магии и вашего прежнего заявления об отцовстве верховного нага. Окончательно закрепить опеку без проверки будет сложнее. Это может выиграть вам несколько дней, но не решит проблему.

Я снова посмотрела на архивную выписку.

Сархан даже не представлял, к чему приведет его отказ. А может, представлял и просто не счел нужным задуматься о том, что однажды его детям придется отвечать за решение, принятое, когда они были совсем маленькими.

— За границей Саарина этот закон действует?

— На территориях, связанных договором о родовой опеке, храм может потребовать возвращения детей. Ровен входит в число таких городов.

Я почувствовала досаду. Значит, Тайр успел узнать и о том, куда мы могли бы уехать.

— Вы хорошо подготовились.

— Не настолько, как хотелось бы.

— Что это означает?

— Я знаю, каким законом совет намерен воспользоваться. Но пока не знаю, какие именно возможности увидели в ваших детях. А это важнее всего.

Он произнес последнюю фразу с такой серьезностью, что я невольно вспомнила Кея, лежавшего после прикосновения к Дарену с раскрасневшимся лицом. Мальчик хотел помочь. В его возрасте желание избавить человека от боли еще не связано с пониманием того, сколько такая помощь может стоить.

Вчера я беспокоилась о том, что дети слишком рано начнут менять облик. Сегодня мне предстояло думать, как помешать целому королевству воспользоваться их силой.

— Вы упоминали защиту хранителей, — сказала я. — Объясните подробнее.

Тайр наконец отодвинул стул от стола, чтобы не мешать проходу, и сел, положив перед собой небольшой кожаный футляр. Сархан после долгих заседаний любил развалиться на стуле; Тайр же держался свободно, без нарочито официальной позы.

— У моего рода есть старое право предоставлять временное убежище людям, которым угрожает неправильное использование магических источников. Оно существует независимо от короны. Если вас и детей примут под защиту затворов, храм не сможет немедленно проводить с ними обряды. Ему придется сначала обратиться в суд.

— Почему тогда вы предлагаете ехать в столицу?

— Потому что там находится Суд Родовой Воды. Он единственный вправе отменить последствия отказа Сархана.

— Значит, мне необходимо добровольно привезти детей к людям, которые хотят получить над ними власть.

— Да.

Я посмотрела на него с таким возмущением, что Тайр слегка наклонил голову.

— Я не собираюсь делать вид, что это хороший выбор, Лиара. Пока у вас нет хорошего выбора. Есть несколько плохих, и один из них позволяет вам присутствовать при разбирательстве, требовать независимой проверки и разговаривать с советом на основании документов, а не из-за запертой двери.

От его прямоты мне стало не легче, но по крайней мере я понимала, о чем он говорит.

— А если суд откажет?

— Тогда будем искать другой законный способ защитить детей.

— Вы говорите так, словно уже решили остаться рядом.

— До окончания разбирательства я готов отвечать за предоставленную вам защиту.

— Почему?

Он задержал взгляд на моем лице.

— Потому что в Северных Купелях нагов оставляют умирать в переполненных лечебницах. А ваши дети, судя по тому, что мне известно, каким-то образом смогли воздействовать на болезнь. Мне необходимо узнать, почему. Но я не согласен с тем, чтобы ради этого их превращали в храмовое имущество.

Ответ показался мне достаточно откровенным, чтобы не спорить сразу.

Тайр открыл футляр и достал несколько сложенных листов. Бумага была плотной, светло-серой, с тонкими прожилками, характерными для документов хранителей. В верхнем углу каждого листа стоял медный оттиск водяного затвора.

— Я подготовил предварительный договор, — сказал он. — Его можно подписать здесь, при двух свидетелях. С этого момента вы и дети будете считаться находящимися под защитой Северных Затворов.

Я протянула руку.

— Дайте прочитать.

Он передал документы без возражений.

Первый лист содержал описание полномочий хранителя. Второй — порядок временного убежища. Третий оказался самым важным: в нем перечислялись основания, на которых дети могли быть переданы для медицинского или магического обследования.

Я читала медленно, в некоторых местах возвращаясь к предыдущим строкам. За шесть лет я отвыкла от нагских юридических формулировок, в которых обычное человеческое слово превращалось в целый абзац.

Наконец я положила палец на середину третьего листа.

— Здесь сказано, что хранитель вправе сопровождать детей при обследовании.

— Верно.

— А где указано, что их мать обязана присутствовать?

Тайр наклонился к документу.

— Это подразумевается общим порядком.

— Меня не интересует, что подразумевается. Я хочу, чтобы было написано.

Он взял перо.

— Согласен.

Несколько мгновений слышалось только царапанье пера по бумаге.

Я нашла следующее место.

— Здесь ничего не сказано о разлучении детей.

— Их нельзя разлучать без медицинских оснований.

— Напишите, что разлучение возможно лишь при непосредственной угрозе здоровью и только на время оказания необходимой помощи. Не по решению совета, не по приказу Сархана, не ради удобства лекарей.

Тайр записал и это.

— Еще?

— Да. Никаких магических обрядов без моего согласия.

— Даже необходимое для безопасности вмешательство иногда приходится проводить немедленно.

— Тогда четко определите, что считается необходимым. Если у Кея возникнет неконтролируемое превращение, я не стану мешать вам его согреть. Но если кто-нибудь решит проверить, сколько энергии он способен отдать чужому нагу, я хочу иметь право остановить это без обсуждения с пятью советниками.

Тайр чуть заметно улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Сформулируем отдельно.

Я продолжила читать. Нашла еще два спорных пункта, попросила добавить условие о независимых медицинских записях и исправить выражение «магически одаренные несовершеннолетние» на имена детей.

— Это имеет юридическое значение? — спросил Тайр.

— Для вас, возможно, нет. Но я не собираюсь подписывать документ, в котором моих детей называют исключительно по признаку магической полезности.

Он вычеркнул фразу и вписал имена.

Ая. Кей. Рун.

Мне стало немного спокойнее от одного только вида этих слов.

Энна принесла чай. Тайр поблагодарил ее, но к чашке не прикоснулся, пока мы не закончили с документами.

— Теперь объясните мне одну вещь, — сказала я. — Что мешает храму просто отменить эту бумагу?

— Ничего не мешает попытаться. Но тогда храму придется открыто нарушить древнее соглашение между советом и хранителями. У каждого затвора есть собственная стража, а без работы источников столица не проживет и недели. Даже Хавир предпочитает сначала искать законные основания.

Имя было знакомым.

— Хавир все еще возглавляет совет?

— Да.

Я поморщилась.

Старый наг не любил меня даже тогда, когда я имела право сидеть рядом с Сарханом на официальных приемах. Он считал человеческую жену временной уступкой правителя, которая рано или поздно должна закончиться.

Однажды на празднике Весенних Источников Хавир предложил мне пересесть за стол для приглашенных людей, поскольку возле королевской купели собирались обсуждать вопросы родовой магии.

Сархан тогда не сказал ничего.

Мне пришлось самой напомнить, что я законная супруга правителя.

Я помнила безупречно вежливый взгляд Хавира после этих слов: ему совершенно не нравилось услышанное.

— Если он по-прежнему у власти, документы нам действительно понадобятся, — сказала я.

Тайр поднял глаза.

— Вы с ним знакомы?

— Достаточно, чтобы не рассчитывать на его доброжелательность.

— Это разумно.

Энна, до этого молчавшая, наконец вмешалась:

— А если вы все-таки обманете ее?

Тайр повернулся к ней.

— Что именно вы хотите узнать?

— Вы приехали ночью, принесли красивые бумаги, рассказываете о какой-то защите. Но мы знаем только ваше имя и то, что вы наг. Откуда нам знать, что завтра вы не отвезете детей прямо во дворец?

Мне стало неприятно за резкость ее вопроса, но возражать я не стала. Энна имела полное право не доверять незнакомцу.

Тайр молча достал из футляра медный жетон хранителя и положил перед ней.

— На обороте указаны мой род, должность и право независимого сопровождения. Утром можете показать его старосте. Кроме того, на документах будет ваша подпись как свидетеля. Вы получите собственную заверенную копию. Если я нарушу условия, сможете направить ее в любой затвор Саарина.

Энна взяла жетон, повертела в руках.

— И что тогда?

— Меня лишат права хранительства, если нарушение подтвердится.

— А детей вернут?

Тайр не ответил сразу.

— Если к тому времени их удастся вернуть, да.

Энна положила жетон обратно.

— Вот это меня и тревожит.

— Меня тоже, — сказал он.

Впервые я увидела, что она несколько растерялась.

Обычно приезжие старались убедить Энну в собственной безупречной надежности. Тайр же не скрывал, что даже хорошие документы могут оказаться недостаточной защитой.

Я посмотрела на часы. Было уже поздно. Детям давно следовало спать, а у меня оставался больной, которого нельзя было бросать без присмотра.

— Я не подпишу ничего, пока не решу, что делать с Дареном, — сказала я.

— С вашим пациентом?

— Да. Мужчина, которого сегодня привезли из Северных Купелей. Он не может вернуться в человеческий облик, у него нарушена речь и постепенно исчезает чувствительность в руках. Оставить его без лечения я не могу.

Тайр поднялся.

— Позволите осмотреть?

Я изучала его лицо несколько мгновений.

— Вы лекарь?

— Нет. Но в последние месяцы мне приходилось видеть заболевших чаще, чем хотелось бы. Иногда я замечаю то, что имеет отношение к источникам.

— Значит, осматривать буду я. Вы можете присутствовать.

Он кивнул и, к моему удивлению, не возразил.

Дарен лежал в дальней комнате. Ивар сидел рядом с лечебным столом, держа в руках чашку остывшего отвара. Увидев чужого нага, он испуганно поднялся.

— Кто это?

— Хранитель Северных Затворов, — ответила я. — Он приехал по другому делу, но согласился посмотреть на вашего дядю.

Тайр остановился у порога.

— Сколько дней он не может менять облик?

— Третий, — ответил Ивар.

— Когда впервые заметили нарушения?

— В дороге. Сначала руки начали холодеть, потом спину сводило.

Тайр посмотрел на Дарена. Тот с трудом повернул голову; его зрачки расширились, затем снова сузились, будто он пытался рассмотреть лицо посетителя.

— Дарен, — сказала я, приблизившись, — сейчас я проверю ваши руки. Постарайтесь не двигаться.

Тайр положил ладонь на каменный бортик лечебного стола.

Я заметила, как изменилось выражение его лица.

— Камень слишком быстро теряет тепло.

— Он нагрет, — возразила я.

— Снаружи. Внутри почти холодный. Когда тело перестает удерживать собственное превращение, обычного поверхностного тепла может быть недостаточно.

Я прикоснулась к камню: его поверхность действительно оставалась теплой.

— Чем предлагаете заменить?

— Есть накопительные плиты, которые используют при ремонте затворов. Они нагреваются равномерно и остывают гораздо медленнее. У меня две в дорожном сундуке.

Ивар встрепенулся.

— Они помогут ему?

— Возможно, облегчат состояние. Но не вылечат.

Тайр произнес последнее слово без колебаний.

Ивар опустил плечи.

Я невольно почувствовала к хранителю уважение. Слишком многие целители обещали чудеса только ради благодарности родственников.

— Принесите плиты, — сказала я. — Посмотрим, как он отреагирует.

Тайр вышел.

Пока его не было, я проверила пульс Дарена и осторожно размяла кисть, которая днем на несколько мгновений стала человеческой после прикосновения Кея.

Человеческий облик кисти не сохранился, но пальцы теперь двигались немного свободнее. Это следовало записать. Я не собиралась снова просить сына воспользоваться даром; мне необходимо было понять, почему кратковременное облегчение вообще оказалось возможным.

Тайр вернулся с двумя темными пластинами в кожаных чехлах.

Пластины были тяжелыми, с тонким узором по краям. На первый взгляд напоминали обычный черный камень, но стоило мне взять одну в руки, как я почувствовала ровное тепло, исходившее от всей поверхности.

— Где вы их нагреваете?

— В источниках. Внутри есть минеральные прожилки, которые удерживают накопленную энергию. Долго объяснять устройство, но для больного они безопасны, если не прикладывать непосредственно к коже.

Мы заменили оба остывающих камня под хвостом Дарена. Мужчина постепенно перестал напрягать плечи, дыхание стало ровнее.

Я дождалась, пока он уснет, и только после этого посмотрела на Тайра.

— Такие плиты используют во дворце?

— В лечебных крыльях — да.

— Тогда почему Дарена не приняли в Северных Купелях?

— Потому что в последнее время больных больше, чем мест.

— Насколько больше?

Тайр убрал пустые кожаные чехлы.

— В некоторых городах лечебные купели заняты втрое плотнее обычного.

Я вспомнила слова Ивара: больных стало много. Но я не представляла, что речь идет о таком количестве людей.

— Сколько нагов уже потеряли возможность превращаться?

— Точных сведений нет. Совет перестал публиковать общие записи.

— Вы все-таки можете назвать приблизительное число?

Тайр посмотрел на Дарена.

— Несколько сотен находятся в тяжелом состоянии. Сколько всего заболевших, пока неизвестно.

Я почувствовала неприятное сжатие в груди.

Несколько сотен.

Когда я жила во дворце, подобные цифры звучали только при обсуждении межродовых войн.

— И вы считаете, что мои дети способны их вылечить?

— Я считаю, что необходимо выяснить, почему ваш сын на короткое время восстановил чужой облик. Такое не должно происходить само собой.

Он произнес это с заметной осторожностью.

Я хотела расспросить подробнее, но Дарен застонал во сне, и мы оба повернулись к нему.

На несколько мгновений мне показалось, что больной собирается проснуться, однако его дыхание снова выровнялось.

— Завтра к вечеру я могу вызвать сюда лекаря из ближайшего поста хранителей, — сказал Тайр. — Он останется с вашим пациентом и будет присылать записи о состоянии. До его приезда вы можете сами решить, оставаться ли рядом с Дареном.

— А если стража явится раньше?

— Утром мы оформим защиту. После этого решение будет за вами.

Я посмотрела на Ивара.

Молодой наг сидел рядом с дядей, прислушиваясь к его дыханию.

— Вы согласитесь, чтобы его наблюдал другой лекарь? — спросила я.

Он поднял голову.

— Если вы считаете, что так лучше.

— Я пока не знаю, что лучше. Но у меня возникли обстоятельства, из-за которых, возможно, придется уехать.

Ивар кивнул, хотя по лицу было видно, насколько ему неприятна эта новость.

— Мы не хотим вас задерживать, госпожа. Вы и так сделали больше, чем все лекари, к которым мы обращались.

Я посмотрела на Дарена.

Болезнь оставалась непонятной. Но я уже сделала для него все, что позволяли мои знания и имеющиеся средства.

Если другой специалист сможет продолжить наблюдение, оставлять детей в опасности только из страха перед ответственностью было бы несправедливо по отношению к ним.

Мы вернулись в кухню почти в полночь.

Энна приготовила гостю ужин, но он отказался от горячего мяса и взял только хлеб, сыр и чашку крепкого травяного отвара.

— Наги разве не едят мясо? — спросила она.

— Едят.

— А вы?

— Обычно да. Сегодня слишком поздно.

— Для мяса?

— Для тяжелой еды после дороги.

Энна с сомнением посмотрела на него.

— Странный вы какой-то хранитель.

— Мне это говорили.

Она фыркнула.

Я не удержалась от улыбки.

Во дворце Сархана за подобную беседу кухарку немедленно отправили бы из зала. Там даже обычный разговор с мужчиной высокого положения требовал соблюдения десятка нелепых правил.

Тайр же спокойно ел хлеб и, похоже, не замечал, что наша кухня тесная, лавка неровная, а на стене висит детский рисунок с огромным красным солнцем.

Когда Энна ушла проверить больного, я достала чистый лист.

— Мне нужно написать условия передачи лечебницы на время моего отсутствия.

Тайр поднял глаза.

— Вы решили ехать?

— Я решила подготовиться. Это не одно и то же.

Он кивнул и вернулся к ужину.

Я начала составлять распоряжение.

Энна могла принимать обычных пациентов. Сложные случаи следовало направлять в Южный Уступ. Дарена будет наблюдать приглашенный лекарь. Деньги на лекарства лежали в нижнем ящике шкафа, под деревянной перегородкой. Печь требовала осторожного обращения: третья заслонка заедала, если закрыть ее слишком резко.

Потом я остановилась: сколько бы подробностей ни записала, все равно казалось, что я забыла что-то важное.

Наверное, так бывает, когда собираешься покинуть дом не ради путешествия, а потому, что снова приходится защищать свою жизнь от человека, которого когда-то любила.

— Вы часто бываете в Ар-Кааре? — спросила я.

— Когда требуется.

— Значит, знаете, где теперь живет Сархан.

Тайр осторожно поставил чашку.

— Во дворце, если вы об этом.

— Я знаю, где находится дворец. Мне интересно, сохранил ли он личные покои в западном крыле.

— Насколько мне известно, да.

Странно было услышать такой простой ответ. Западное крыло — когда-то я просыпалась там каждое утро.

Из окна спальни открывался вид на горячую реку, над которой всегда поднимался пар. Весной на каменных террасах распускались белые цветы, похожие на маленькие звезды.

В последний год брака Сархан почти перестал заходить в наши комнаты.

Он возвращался поздно, иногда ночевал в другом крыле и уверял, что слишком занят государственными делами.

Сначала я верила. Потом старалась верить, а после развода еще долго вспоминала каждое его слово, пытаясь понять, в какой момент перестала быть для него женой.

— Вы хорошо его знаете? — спросила я.

— Достаточно, чтобы понимать, что спорить с ним будет непросто.

— Я не собираюсь спорить о прошлом.

— О прошлом, возможно, и не придется. Но о детях придется.

Я опустила глаза к документам.

— Он никогда их не видел.

— Знаю.

— Даже не знает, как они выглядят.

Тайр помолчал.

— Тогда ему предстоит тяжелое знакомство.

Я подняла голову. В его голосе не было насмешки, и, пожалуй, именно поэтому я ничего не ответила.

Утро началось с детских сборов.

Кей объявил, что не поедет без своей ящерицы. Ая потребовала взять две книги, любимую куклу и маленькую коробку с засушенными цветами. Рун молча сложил в сумку камни, которые собирал последние полгода.

Когда я попыталась поднять его багаж, у сумки едва не оторвалась ручка.

— Рун, зачем тебе столько?

Он посмотрел на сумку, словно я задала странный вопрос.

— Они разные.

— Я вижу. Но некоторые камни можно оставить дома.

— А если я забуду, какие они?

Я присела рядом.

— Давай выберем самые интересные. Остальные будут ждать тебя здесь.

Он долго перебирал камни, раскладывая их на полу по величине и цвету. В конце концов выбрал пять, а шестой незаметно сунул в карман. Я сделала вид, что не заметила.

С Аей договориться оказалось сложнее.

— Мам, а почему мы не можем взять все книжки?

— Потому что их слишком много.

— Но я еще не дочитала историю про водяного дракона.

— Возьми ее.

— А про девочку, которая нашла волшебный лес?

— Можно.

— И про трех сестер?

Я посмотрела на нее.

— Ая.

Она вздохнула.

— Ладно. Две книжки.

Потом, немного подумав, добавила:

— И одну маленькую.

Кей тем временем пытался поймать ящерицу.

Та, по-видимому, уже усвоила, что появление мальчика не обещает ничего хорошего, и ловко скрылась между досками у сарая.

— Она не хочет с нами! — возмущенно сообщил сын.

— Значит, останется дома.

— Но она скучать будет!

— У нее тут друзья, — сказала Энна, проходя мимо с корзиной белья.

Кей подозрительно посмотрел на сарай.

— Какие?

— Другие ящерицы.

Он задумался.

— А вдруг они плохие?

— Тогда твоя им задаст.

Я рассмеялась. Энна умела отвечать детям так, что даже самый сложный спор заканчивался неожиданно.

Позднее мы сидели за столом и завтракали.

Тайр появился в дверях, когда Кей пытался выяснить, сколько ног бывает у настоящего змея.

— Ни одной, — объясняла Ая.

— Тогда как он ползает?

— Хвостом.

— Но если весь змей хвост, где у него живот?

Рун перестал жевать хлеб и посмотрел на меня.

— Мам, у змея ведь есть живот?

— Есть.

— Тогда Ая неправильно сказала.

— Я неправильно сказала не так! — возмутилась дочь.

Тайр остановился у порога.

— Кажется, я пришел не вовремя.

Все трое повернулись к нему.

Кей первым заметил вертикальные зрачки.

— А вы кто?

— Тайр.

— Просто Тайр?

— Пока да.

Ая прищурилась.

— А почему у вас глаза как у змеи?

— Потому что я наг.

Кей немедленно сполз со стула.

— Настоящий?

— Вполне.

— А хвост есть?

— Есть.

— А где?

Я прикрыла лицо ладонью.

— Кей, нельзя задавать людям такие вопросы сразу после знакомства.

— Почему? — искренне удивился сын. — Мне же интересно.

Тайр присел, чтобы оказаться примерно на одном уровне с мальчиком.

— У нагов хвост появляется, когда мы меняем облик.

Кей посмотрел на его ноги.

— А сейчас нет?

— Сейчас нет.

— А покажете?

— Когда для этого будет подходящее место.

— А у вас большой?

— Достаточно.

— Как у папы?

В кухне на мгновение стало тихо.

Я подняла глаза на Тайра.

Он не растерялся, но прежде чем ответить, посмотрел на меня.

— Не знаю, какой облик у вашего отца, — сказал он Кею. — Мы с ним не сравнивали хвосты.

Энна отвернулась к печке.

Я догадалась, что она пытается скрыть улыбку.

Кей же воспринял ответ совершенно серьезно.

— А можно сравнить?

— Кей, садись завтракать, — вмешалась я.

Он недовольно засопел, но вернулся на стул.

Ая продолжала разглядывать гостя.

— Вы с нами поедете?

— Да.

— А зачем?

— Помогу вам добраться до города.

— А мама умеет сама.

— Не сомневаюсь.

Дочь обдумала ответ.

Потом спросила:

— А вы знаете, где там продают сладкие орешки?

Тайр впервые за утро улыбнулся по-настоящему.

— Знаю два места.

— Тогда можете ехать.

Я опустила взгляд в чашку. Если бы все нагские споры решались так просто, Саарин давно стал бы самым мирным государством на свете.

Но когда Тайр выпрямился, я заметила, что Рун не отрывает от него глаз.

Младший сын смотрел на руки гостя — точнее, на серебристый шрам вдоль предплечья.

— Больно? — тихо спросил он.

Тайр опустил взгляд.

— Уже нет.

Рун немного подумал.

— А раньше?

— Раньше было.

— Почему?

— Обжегся возле горячего источника.

Мальчик кивнул, словно получил важную информацию, и снова занялся хлебом.

Тайр не стал продолжать разговор.

Мне понравилось, что он не пытался немедленно подружиться с каждым из детей.

Вокруг Сархана всегда находились люди, готовые превратить любую встречу с наследниками в представление. Они непременно начали бы рассказывать детям, насколько велик и могущественен их отец, предлагали бы подарки и ожидали благодарности.

Тайр просто сел за стол, когда Энна поставила перед ним тарелку, и спокойно позавтракал рядом с моими детьми.

После еды мы отправились к старосте.

Тот долго изучал жетон хранителя, сверял печати и несколько раз перечитал исправленные условия договора. Потом попросил нас поставить подписи при нем и заверил документы поселковой печатью.

Один экземпляр остался у меня, второй получил Тайр, третий я передала Энне.

Она спрятала его в ту самую металлическую коробку, где раньше лежали мои самые ценные бумаги.

— Если вам понадобится помощь, я найду способ отправить письмо, — сказала она.

— Знаю.

— И не вздумай молчать, если что-нибудь случится.

Я обняла ее.

Энна была невысокой, крепкой женщиной с сильными руками и вечно растрепанными волосами. Она пахла выпечкой, сушеными травами и теплым мылом. Когда я впервые приехала к ней после развода, мне казалось, что я никогда больше не почувствую себя в безопасности.

Именно рядом с ней это ощущение постепенно вернулось.

— Я напишу, как только устроимся, — пообещала я.

— Лучше раньше.

— Постараюсь.

Она обняла меня еще крепче.

Потом отпустила, будто не хотела показывать детям слезы.

К полудню мы были готовы отправляться.

В маленькую дорожную повозку поместились наши сумки, корзина с едой, теплые одеяла и деревянный ящик с лекарствами. Тайр закрепил багаж кожаными ремнями, проверил колеса и попросил возницу, которого нанял у старосты, не торопить лошадей на горной дороге.

Я еще раз зашла к Дарену. Он спал; рядом сидел Ивар, старательно записывая время приема отвара и температуру каменных плит.

Ночью Тайр успел отправить гонца в ближайший пост хранителей. Лекарь должен был прибыть к вечеру, а Энна обещала проследить за передачей всех записей.

Я не могла быть спокойна за Дарена, но оставить его на попечение людей, которым доверяла, было лучше, чем увезти тяжелобольного через горный перевал.

— Я пришлю весточку, — сказала я Ивару.

Он поднялся.

— Спасибо вам, госпожа. И вашему мальчику тоже.

Я покачала головой.

— О Кее лучше никому не рассказывать.

Ивар посмотрел на меня с таким искренним изумлением, что я поняла: он еще не вполне осознал, насколько опасной может оказаться благодарность.

— Но ведь он помог...

— Именно поэтому.

Молодой наг опустил глаза.

— Понимаю.

Я надеялась, что это правда.

Когда мы вышли во двор, дети уже сидели в повозке.

Ая устроилась возле корзины с едой, положив на колени куклу. Кей пытался добраться до мешка с сухарями. Рун разложил пять выбранных камней вдоль борта.

Тайр стоял рядом с лошадьми.

На солнце его серо-зеленые глаза казались светлее. Я заметила, что он успел переодеться в дорожную рубашку без жесткого воротника и плотные кожаные перчатки.

— Дорога займет два дня? — спросила я.

— До внутреннего канала доберемся завтра. Если погода не испортится, к вечеру следующего дня будем возле Ар-Каара.

— И где мы остановимся?

— В доме хранителей. Он находится отдельно от дворцового квартала.

— Не в самом дворце?

— Нет.

Это было первое по-настоящему приятное известие за последние сутки.

Я поправила на плечах плащ и села рядом с детьми.

Энна подошла к повозке.

— Слушайтесь маму, — сказала она.

— Мы всегда слушаемся! — уверенно сообщил Кей.

Ая фыркнула.

Рун ничего не сказал, но крепко обнял Энну за шею, когда она наклонилась к нему.

Она поцеловала всех троих.

Потом подошла ко мне и тихо добавила:

— Не позволяй им снова заставить тебя думать, будто ты никому не нужна.

Я сжала ее ладонь.

— Не позволю.

Возница тронул лошадей, и повозка медленно покатилась по улице. Энна стояла у ворот, пока мы не свернули за пекарню.

Кей долго махал ей рукой, а потом вдруг затих.

— Мам, мы вернемся?

Я обняла его за плечи.

— Очень постараемся, милый.

Он помолчал.

— А ящерица меня дождется?

— Если не найдет другого лекаря.

Сын рассмеялся, и мне стало немного легче.

Мы проехали через последние дома поселка, миновали старую кузницу и поднялись на дорогу, ведущую к северному перевалу.

Впереди темнели горы Саарина. Я много лет старалась не смотреть в эту сторону, а теперь возвращалась туда с тремя детьми, которых правящий дом когда-то отказался признавать.

Дорога постепенно становилась круче.

За поселком тянулись низкие хвойные леса, между которыми виднелись серые каменные склоны. Воздух пах мокрой хвоей и холодной землей. Вдали поблескивали узкие полосы снега, сохранившегося в глубоких расщелинах.

Дети сначала с восторгом смотрели по сторонам.

Кей пытался сосчитать птиц, сидевших на придорожных камнях. Ая рассказывала братьям историю про путешественников, которые нашли под горой целый город. Рун внимательно изучал скалы и время от времени что-то рисовал на своей дощечке.

Тайр ехал верхом рядом с повозкой.

Несколько раз он просил возницу замедлить ход на особенно неровных участках. Когда дорога сузилась возле старого обрыва, спешился и пошел впереди, проверяя состояние каменного настила.

Я наблюдала за ним из-под края дорожного капюшона.

Он двигался уверенно, но без показной небрежности. Каждый раз, когда под ногами попадался рыхлый камень, проверял, не осыпается ли следующий участок.

В какой-то момент возница тихо заметил:

— У хранителя привычка самому все проверять.

Я кивнула.

— Похоже.

— Оно и правильно. На прошлой неделе тут телега с мукой чуть не ушла вниз.

Я посмотрела на обрыв.

Расстояние до дна было таким, что мысль о падении заставила меня крепче обнять детей.

— Почему дорогу не починили?

Возница пожал плечами.

— Говорят, все рабочие ушли к источникам. Там сейчас работы много.

Я вспомнила слова Тайра о болезни.

Даже здесь, вдали от столицы, ее последствия уже ощущались.

Когда мы добрались до небольшого каменного поста возле горной расщелины, солнце стояло высоко.

У ворот дежурили двое нагов в темно-зеленых плащах. Один находился в человеческом облике, второй — в истинном. Его длинный бурый хвост лежал поперек нагретых каменных плит.

Кей заметил его первым.

— Мам! Смотри!

Я придержала сына за плечо.

— Вижу.

— У него настоящий хвост!

Стражник услышал и повернул голову.

На мгновение я испугалась, что он рассердится. Наги не любили, когда чужие люди указывали на их облик.

Но мужчина только усмехнулся.

— У тебя тоже появится, малыш, если кровь позволит.

Кей просиял.

— А большой?

— Как вырастешь.

— А у меня папа верховный наг!

Я замерла.

Стражник перестал улыбаться.

Его взгляд переместился на меня, затем на Тайра, который как раз подошел к воротам.

— Документы, — коротко потребовал второй стражник.

Я достала заверенное свидетельство о защите.

Тайр предъявил жетон хранителя.

Стражник внимательно изучил оба документа.

— Трое детей? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Имена?

— Ая, Кей и Рун.

— Происхождение?

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Указано в документах.

Стражник снова посмотрел на бумаги.

— Здесь стоит отметка о возможном родстве с правящим домом.

— Именно поэтому оформлена независимая защита, — спокойно сказал Тайр.

— Мне необходимо записать сведения для храмовой стражи.

— Запишите факт проезда. Имена детей и условия сопровождения уже внесены в реестр хранителей. Дополнительная передача медицинских сведений не предусмотрена.

Стражник нахмурился.

— Вы знаете, какие сейчас распоряжения?

— Знаю. Поэтому советую внимательно прочитать нижнюю печать.

Мужчина перевернул документ.

Некоторое время рассматривал оттиск.

Потом протянул бумаги обратно.

— Проезжайте.

Я не сразу поверила, что все закончилось.

Но Тайр уже возвращался к лошади.

Возница тронул лошадей.

Когда ворота остались позади, я осторожно выдохнула.

— Это было слишком просто, — сказала я.

Тайр ехал рядом.

— Не сказал бы.

— Он ведь мог нас задержать.

— Мог попытаться.

— И что бы вы сделали?

— Потребовал объяснить основания. Если бы не помогло, отправил бы сообщение старшему хранителю ближайшего затвора.

— А если бы он вызвал стражу?

Тайр посмотрел на меня.

— Тогда мы потеряли бы несколько часов и, возможно, ночевали бы на посту. Я не собирался устраивать драку перед вашими детьми.

Ответ оказался настолько разумным, что я невольно улыбнулась.

— Во дворце мне встречались мужчины, которые считали драку самым быстрым способом доказать собственную правоту.

— Я тоже таких встречал.

— И что вы о них думаете?

— Обычно они очень удивляются, когда после драки приходится чинить сломанные двери.

Я негромко рассмеялась.

Тайр повернул голову, словно не ожидал услышать от меня смех.

Я тут же вспомнила, что практически не знаю этого мужчину, и отвернулась к детям.

Однако улыбка осталась.

После полудня мы остановились возле небольшого горного ручья.

Здесь находилась старая дорожная стоянка с навесом, колодцем и несколькими плоскими каменными скамьями.

Возница отвел лошадей к воде.

Тайр проверил теплые пластины, которые мы взяли для детей, и положил одну под сложенное одеяло.

Я достала еду.

Кей немедленно потребовал хлеб с сыром. Ая выбрала яблоко, но потом попросила кусочек пирога. Рун уселся на камне и начал рисовать ручей.

Некоторое время все было спокойно.

Потом Кей заметил, что возле воды ползет маленький уж.

— Мам! Змей!

— Не трогай его.

— Но он маленький!

— Именно поэтому.

Сын посмотрел на ужа с таким восхищением, словно перед ним появился настоящий дракон.

Змея медленно скользнула между мокрых камней и скрылась под корнями старого дерева.

Кей проводил ее взглядом.

— А я тоже так смогу?

— Когда научишься превращаться, — ответила я.

— А как научиться?

Я посмотрела на Тайра.

Он стоял возле повозки, осматривая ремни.

Почувствовав мой взгляд, поднял голову.

— Что случилось?

— Кей хочет узнать, как наги впервые меняют облик.

Тайр подошел.

— У всех по-разному, — сказал он. — Кто-то начинает с маленьких участков чешуи. У кого-то сначала меняются глаза. Иногда появляется часть хвоста.

— А больно? — спросил Кей.

— Не должно быть, если организм готов и хватает тепла.

— А если я очень захочу?

— От одного желания ничего не происходит. Тело должно научиться правильно распределять силы.

Кей нахмурился.

— Но у меня уже есть магия.

— Есть. Поэтому особенно важно не торопиться.

Сын посмотрел на собственные ноги.

Я заметила, как он напряг пальцы.

— Кей, не нужно пытаться.

— Я просто смотрю.

Он сел на камень.

Я вернулась к корзине, достала воду и собиралась предложить детям поесть еще немного, когда услышала испуганный вскрик.

— Мам!

Я обернулась.

Кей сидел на том же камне. Сначала мне показалось, что ткань штанов перекрутилась, но потом я увидела, как под коленями начинает проступать зеленоватая чешуя.

Ступни мальчика вытянулись, пальцы постепенно исчезали из привычных очертаний.

— Кей!

Я бросилась к нему.

Сын смотрел на ноги широко раскрытыми глазами.

— Мам, они... они...

Он попытался встать.

Я успела подхватить его под мышки.

Ниже колен ткань штанов натянулась, а затем с тихим треском разошлась по шву.

Вместо двух маленьких ног образовывался короткий змеиный хвост — не полностью сформированный, с неровным рисунком чешуи, но совершенно настоящий.

Кей заплакал.

— Мам, верни!

Я прижала его к себе.

— Тише, милый. Я рядом.

— У меня ноги пропали!

Тайр оказался возле нас почти сразу.

Он присел рядом, внимательно посмотрел на мальчика, затем на меня.

— Не пытайтесь распрямить его силой.

— Я и не собиралась!

— Знаю. Просто предупредил.

Он осторожно протянул руку.

— Кей, можно я посмотрю?

Мальчик всхлипнул и кивнул.

Тайр прикоснулся к чешуе на конце хвоста.

— Болит?

— Нет...

— А здесь?

— Нет.

— Хорошо. Дыши спокойно.

Кей попытался глубоко вдохнуть, но снова всхлипнул.

Я гладила его по волосам.

— Все хорошо. Слышишь? Ты просто начал превращаться.

— А обратно?

— Обратно тоже научишься.

Я произнесла это уверенно, хотя сама понятия не имела, насколько легко маленькому полукровке восстановить человеческие ноги.

Тайр снял перчатки.

— Ему нужно тепло и немного времени. Первое превращение редко получается ровным.

— Почему оно началось сейчас?

— Возможно, после сегодняшнего напряжения. Или он сам попытался вызвать изменение, не понимая, как это работает.

Кей виновато посмотрел на меня.

— Я хотел как змей...

— Потом поговорим, — сказала я.

Тайр попросил возницу принести теплую пластину и широкое одеяло.

Мы перенесли Кея под навес.

Я усадила его к себе на колени, укрыла хвост и осторожно проверила температуру кожи. Она была нормальной; сердце билось быстро, но ровно.

— Кей, посмотри на меня, — сказал Тайр.

Мальчик поднял глаза.

— Сейчас твое тело учится новому облику. Не нужно заставлять его немедленно вернуться. Если будешь напрягаться, станет труднее.

— А я хочу ноги.

— Понимаю.

— Я больше не хочу быть змеем!

— Тогда подождем, пока тело успокоится.

Тайр говорил просто, без сложных объяснений. Он не обещал, что все пройдет за секунду, и не требовал от мальчика перестать плакать.

Я почувствовала, как Кей постепенно расслабляется у меня на руках.

Через несколько минут его хвост начал медленно изменяться.

Сначала появилась заметная линия, разделявшая нижнюю часть. Потом чешуя стала отступать, проступили колени, голени и наконец ступни.

Кей уставился на собственные пальцы, пошевелил ими и поднял голову.

— Мам, вернулись!

— Вижу.

Он обнял меня за шею с такой силой, что я едва смогла вдохнуть.

Я прижала сына к себе и поцеловала в мокрую щеку.

— Теперь никакого превращения без взрослых. Договорились?

Кей кивнул.

— Даже маленького?

— Даже маленького.

Он вздохнул.

— А когда можно?

Тайр тихо усмехнулся.

— Когда научишься делать это безопасно.

Кей посмотрел на него.

— Вы меня научите?

Я насторожилась.

Тайр не ответил сразу.

Сначала посмотрел на меня.

— Если мама разрешит, я могу показать тебе некоторые простые упражнения.

Кей немедленно повернулся ко мне.

— Мам!

— Посмотрим, — сказала я.

— Это значит да?

— Это значит, что мы поговорим об этом позже.

Сын обдумал ответ.

Потом удовлетворенно кивнул, словно уже получил согласие.

Ая стояла рядом и внимательно рассматривала брата.

— У тебя хвост был красивый, — сказала она.

Кей выпрямился.

— Правда?

— Только короткий.

— Он вырастет!

— Когда ты вырастешь.

— А у тебя вообще нет!

— У меня тоже будет.

Дети немедленно начали спорить, чей будущий хвост окажется длиннее.

Я покачала головой.

Еще несколько минут назад Кей был уверен, что навсегда потерял ноги. Теперь он уже собирался соревноваться с сестрой.

Тайр поднялся.

Я посмотрела на него.

— Спасибо.

— Не за что.

— Я серьезно.

Он задержал взгляд на Кее.

— Первое превращение обычно пугает даже взрослых, которые готовятся к нему заранее. Для ребенка это особенно тяжело.

— Вы часто такое видели?

— Достаточно.

Я хотела спросить, есть ли у него собственные дети.

Но почему-то не решилась.

Вместо этого помогла Кею надеть запасные штаны и посадила его возле корзины с едой.

Мальчик теперь смотрел на ноги с большим уважением: каждые несколько минут шевелил пальцами, словно проверяя, на месте ли они.

Рун все это время сидел неподалеку.

Я подошла к нему.

— Испугался?

Он кивнул.

— Немного.

— С Кеем все хорошо.

— Я видел.

— А что ты рисуешь?

Он показал дощечку.

На ней был изображен ручей, несколько камней и длинная извилистая линия.

— Это хвост?

Рун покачал головой.

— Нет.

— А что?

Он указал на камень возле воды.

— Там внутри светится.

Я посмотрела.

Обычный серый валун, покрытый влажным мхом.

— Ты видишь свет?

— Угу.

— Какого цвета?

— Желтый. Только тонкий.

Я провела ладонью по камню.

Ничего необычного.

Но после случившегося с Аей и Кеем я уже не могла просто отмахнуться от слов младшего сына.

— Покажешь потом Тайру?

Рун задумался.

— А он не будет смеяться?

— Не думаю.

Мальчик кивнул и снова занялся рисунком.

Когда мы продолжили путь, солнце уже начало склоняться к вершинам.

Кей уснул почти сразу, положив голову мне на колени. Ая некоторое время листала книжку, но затем тоже задремала.

Рун сидел у борта и смотрел на дорогу.

Я поправила одеяло на спящих детях.

Тайр ехал рядом с повозкой.

Несколько раз он поворачивал голову, проверяя, удобно ли нам.

Наконец я не выдержала.

— Вы можете перестать смотреть на нас каждые пять минут.

Он слегка удивился.

— Я проверяю дорогу.

— Дорога впереди.

— И позади тоже.

Я посмотрела на него.

Он не улыбался, но в глазах появилось знакомое выражение сдержанной насмешки.

Я отвернулась.

Через некоторое время сама спросила:

— У вас есть дети?

Тайр покачал головой.

— Нет.

— А семья?

— Родственники есть. Младшая сестра, несколько двоюродных братьев, старый наставник, который считает меня безнадежным упрямцем.

— А жена?

— Нет.

Я не знала, почему меня заинтересовал последний вопрос.

Наверное, потому что Тайр слишком спокойно обращался с детьми для мужчины, у которого, по его словам, не было собственных детей.

— Вы не женились? — уточнила я.

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— А вы всегда так подробно расспрашиваете людей, с которыми знакомы меньше суток?

Я почувствовала, как щеки начинают теплеть.

— Простите. Профессиональная привычка.

— Спрашивать о женах?

— Задавать вопросы.

Тайр чуть заметно улыбнулся.

— Тогда считайте, что я пока не встретил человека, с которым захотел бы разделить жизнь.

Ответ прозвучал просто.

Без придворных намеков, без рассказов о долге перед родом.

Я кивнула.

— Понятно.

Некоторое время мы ехали молча.

Потом Тайр спросил:

— А вы когда-нибудь хотели вернуться во дворец?

Я посмотрела на него.

— Вы серьезно?

— Да.

— После развода?

— После того, как устроили свою жизнь здесь.

Я задумалась.

В первые месяцы после рождения детей мне иногда снился дворец: теплые полы, высокие окна, тихие коридоры, в которых никогда не приходилось прислушиваться к каждому шагу. Именно дворец, а не Сархан.

Иногда я вспоминала собственную библиотеку, оставшуюся в западном крыле. На полках стояли редкие медицинские книги, которые мне больше никогда не удалось найти.

Но я ни разу не захотела вернуться туда ценой прежней жизни.

— Мне не хватало удобства, доступа к книгам, возможности спокойно заниматься исследованиями, — ответила я. — Но по самому дворцу я не скучала.

— А по Сархану?

Я опустила взгляд на спящего Кея.

— Долгое время скучала.

Это признание далось неожиданно легко.

Наверное, потому что Тайр не был связан с моим прошлым. Ему не требовалось доказывать, что я сильная, что справилась, что больше никогда не плакала по бывшему мужу.

Я могла просто сказать правду.

— Первое время я постоянно вспоминала хорошие годы. Потом стала замечать, сколько всего пыталась не видеть. А когда родились дети, у меня почти не осталось времени думать о нем.

— Почти?

Я погладила Кея по волосам.

— Иногда они задают вопросы.

Тайр ничего не сказал.

Я была благодарна ему за молчание.

Мы добрались до горного постоялого двора ближе к вечеру.

Дом стоял на широкой каменной площадке возле старого моста. С одной стороны поднималась отвесная скала, с другой виднелось глубокое ущелье, на дне которого шумела темная река.

За мостом дорога уходила под огромный каменный свод.

Там начинались настоящие владения нагов.

Постоялый двор назывался «Три теплых камня».

Хозяин, пожилой наг с короткой седой бородой, узнал Тайра сразу.

— Хранитель! Не ожидал увидеть вас так скоро.

— Нам нужны две комнаты, — сказал Тайр. — И теплая купель для детей.

Хозяин посмотрел на повозку.

— Полукровки?

Я почувствовала привычное раздражение.

— Дети, — поправила я.

Мужчина моргнул.

Потом поспешно кивнул.

— Конечно, госпожа. Прошу прощения.

Тайр даже не повернул головы.

Но я заметила, что хозяин после этого старательно избегал лишних вопросов.

Наша комната оказалась небольшой, зато чистой. На полу лежали теплые каменные плиты, а возле окна стояла широкая кровать, на которой вполне могли поместиться трое детей.

Я помогла им умыться.

Кей снова попытался рассказать историю своего превращения, на этот раз представляя дело так, словно он совершенно не испугался.

— У меня сразу такой хвост появился! — заявил он, вытягивая руки.

Ая фыркнула.

— Ты плакал.

— Я не плакал!

— Плакал.

— Я просто удивился!

Рун, сидевший на кровати, спокойно заметил:

— Ты маму звал.

Кей надулся.

— Потому что она умеет все исправлять.

Я застыла с полотенцем в руках.

На мгновение мне захотелось обнять его так крепко, чтобы он никогда не узнал, сколько всего я на самом деле не умею исправлять.

Но вместо этого я присела рядом.

— Я стараюсь, милый.

Он кивнул.

Для него это было вполне достаточным ответом.

После ужина дети наконец уснули.

Я вышла в общий зал постоялого двора, чтобы попросить у хозяина немного горячей воды для лекарств.

Тайр сидел за дальним столом.

Перед ним лежала развернутая карта горных каналов, рядом стояла чашка давно остывшего чая.

Я остановилась.

На карте были обозначены десятки тонких линий, расходившихся от центральных источников.

Некоторые участки отмечались красными чернилами.

— Это все повреждения? — спросила я.

Тайр поднял голову.

— Часть.

Я подошла ближе.

— Их гораздо больше, чем я представляла.

— Потому что повреждения долго скрывали.

— Кто?

Он медленно сложил карту.

— Совет не любит признавать ошибки.

Я посмотрела на его руки.

Серебристый ожог на предплечье казался особенно заметным в теплом свете лампы.

— А хранители?

Тайр не сразу ответил.

— Хранители тоже иногда ошибаются.

— Но вы хотя бы пытаетесь это исправить?

— Пытаемся.

В его голосе прозвучало что-то, заставившее меня насторожиться.

Я хотела задать еще один вопрос, но в этот момент в зал вошел хозяин.

— Госпожа, воду принесли в вашу комнату. И еще ваш мальчик просил передать, что нашел под кроватью камень.

Я удивилась.

— Какой камень?

— Не знаю. Сказал, что он очень красивый.

Я поблагодарила хозяина и направилась наверх.

Рун действительно сидел на кровати, держа в руках небольшой серый камень.

Ая и Кей спали.

— Почему ты не спишь? — тихо спросила я.

Мальчик посмотрел на меня.

— Он светится.

Я присела рядом.

Камень казался обыкновенным: серый, с несколькими тонкими прожилками.

— Где ты его нашел?

— Под кроватью.

— И что в нем светится?

Рун провел пальцем по одной из прожилок.

— Дорожка.

Я посмотрела внимательнее.

При свете лампы прожилка действительно казалась чуть более светлой, чем остальная поверхность. Но никакого магического свечения я не видела.

— Покажешь утром Тайру?

Рун кивнул.

Потом неожиданно спросил:

— Мам, а мы завтра поедем через большой мост?

— Да.

— Там тоже есть дорожки.

Я нахмурилась.

— Какие?

Он взял свою дощечку.

На ней был изображен мост, под которым проходили три извилистые линии.

Я помнила, как мы подъезжали к постоялому двору.

Мост действительно стоял над глубоким ущельем.

Но никаких светящихся линий на камне я не заметила.

— Ты их видел из повозки?

— Да.

— Может быть, это отражалась вода?

Рун покачал головой.

— Нет. Они внутри.

Я провела ладонью по его волосам.

— Завтра посмотрим вместе.

Он удовлетворенно кивнул и наконец улегся под одеяло.

Я погасила лампу и несколько минут сидела возле кровати, прислушиваясь к ровному дыханию детей. За окном шумела река, где-то внизу тихо разговаривали постояльцы.

Я думала о Дарене, о Сархане, о бумагах, которые лежали в дорожной сумке. Думала о том, что уже завтра нам придется пересечь границу внутренних земель Саарина.

И о том, как мало я на самом деле знаю о магии собственных детей.

Утром мы вышли из постоялого двора раньше остальных путешественников.

Воздух был холодным.

Каменный мост влажно блестел после ночного тумана. Под ним шумела река, а за дальним берегом начинался огромный темный проход, уходивший в глубину горы.

Кей еще сонно тер глаза, Ая крепко держала куклу. Рун сразу направился к каменному ограждению.

— Мам, смотри.

Он положил ладонь на парапет.

— Вот тут.

Я подошла.

Камень был серым, шероховатым, покрытым мелкими трещинами.

— Что ты видишь?

Рун провел пальцем по поверхности.

— Три дорожки. Одна идет вниз, две в стороны. А потом все вместе.

Я наклонилась.

— Покажи мне еще раз.

Он терпеливо повторил движение.

И вдруг я заметила, что линии, которые мальчик изображает в воздухе, точно совпадают с рисунком на его дощечке.

Тайр подошел, услышав наш разговор.

— Что случилось?

— Рун говорит, что видит внутри моста какие-то линии.

Тайр посмотрел на мальчика.

— Какие?

Рун протянул ему дощечку.

Хранитель взял ее.

Сначала он просто рассматривал рисунок, потом выражение его лица изменилось.

Он поднял глаза на мост, медленно провел ладонью по каменному ограждению и снова посмотрел на рисунок.

— Рун, — сказал он непривычно тихо, — кто показал тебе эти линии?

Мальчик удивился.

— Никто.

— Ты точно никогда не видел чертежи этого моста?

Рун нахмурился.

— Какие чертежи?

Тайр опустился перед ним на одно колено.

— Нарисованные дорожки внутри камня.

— Нет. Я их сам вижу.

— Даже сейчас?

Рун кивнул.

— Вон там, под мостом. Только одна совсем темная.

Он указал вниз, к основанию старой опоры.

Тайр медленно выпрямился.

Я заметила, как крепко он сжал дощечку.

— Что это означает? — спросила я.

Он не ответил сразу.

Некоторое время смотрел на каменное основание моста, словно пытался разглядеть то же самое, что и мой пятилетний сын.

Потом повернулся ко мне.

— Этот мост построили задолго до появления нынешних источников. Под ним проходит старый канал. О его устройстве знают только хранители.

Я почувствовала, как внутри поднимается тревога.

— И что?

Тайр показал мне рисунок Руна.

— Ваш сын изобразил три соединения, которые скрыты внутри камня. Причем одно из них давно считается разрушенным.

Я посмотрела на младшего сына.

Он стоял рядом со мной, сжимая в руке маленький серый камень, и совершенно не понимал, почему взрослые вдруг перестали разговаривать.

— Откуда он мог узнать? — спросила я.

Тайр перевел взгляд на темный вход в гору.

— Вот это нам и придется выяснить.

Рун потянул меня за рукав.

— Мам, а почему дорожка темная?

Я присела рядом.

— Не знаю, милый.

Он посмотрел на Тайра.

— А вы знаете?

Хранитель медленно покачал головой.

Но я заметила, что его ответ дался ему не сразу.

И впервые с момента нашей встречи мне показалось, что Тайр боится не за себя и даже не за нас.

Он словно боялся того, что скрывалось глубоко под горами Саарина.

Глава 3. Имена в темной воде

Тайр не стал объяснять, чего именно испугался.

Он попросил Руна еще раз показать темную линию, осмотрел каменное ограждение моста и долго смотрел вниз, туда, где между опорами бурлила река. Затем вернул мальчику дощечку и распорядился продолжать путь.

Меня такой ответ совершенно не устроил.

— Вы ведь что-то поняли, — сказала я, когда дети уселись в повозку.

— Пока только то, что ваш сын видит больше, чем должен.

— Это я и без вас заметила.

Тайр затянул ремень дорожной сумки и повернулся ко мне.

— Под мостом действительно проходит старый водный канал. Он закрыт почти сорок лет. На сохранившихся чертежах обозначены три соединения. Рун изобразил их правильно.

— И одно из них повреждено?

— Одно выведено из эксплуатации.

— Вы избегаете ответа.

Он посмотрел на меня с явным неудовольствием.

— Я не могу назвать повреждением то, чего еще не осматривал.

Мне пришлось признать справедливость замечания.

— Тогда почему вы так встревожились?

Тайр некоторое время молчал. Потом достал из кармана маленькую медную пластину и провел большим пальцем по выгравированному знаку затвора.

— Потому что старые соединения никто не должен видеть сквозь камень. Даже опытный хранитель определяет их расположение по чертежам, температуре и движению воды. А ваш сын просто указал пальцем.

Я посмотрела на Руна.

Мальчик сидел между братом и сестрой, старательно заворачивая пять своих камней в кусок ткани. Один камень никак не помещался, и Рун сердито поправлял узел, не замечая, что за ним наблюдают.

— Он ведь не мог научиться этому сам?

— Не знаю. У детей иногда проявляются необычные способности раньше первого полноценного превращения. Но чтобы разобраться, потребуется человек, который изучает родовую магию.

— Только не придворный маг.

— Я и не предлагал.

Мне не понравилось, как легко Тайр произнес эти слова. В Саарине почти каждый специалист, способный работать с сильной магией нагов, так или иначе зависел от совета.

— И никаких исследований без моего согласия, — добавила я.

— Это уже записано в договоре.

— Я хочу услышать еще раз.

Тайр посмотрел на меня, потом на детей.

— Без вашего согласия никто не станет проверять способности Руна. И уж тем более заставлять его пользоваться ими.

Я кивнула.

Только после этого позволила себе вернуться в повозку.

Мост остался позади, но я еще долго вспоминала выражение лица Тайра, когда он увидел рисунок сына.

В нашем доме Рун казался самым обычным ребенком — тихим, немного застенчивым, увлеченным камнями и рисунками. Он мог полчаса наблюдать за тем, как капает вода с крыши, а потом с невероятной серьезностью объяснять, почему одна капля падает быстрее другой.

Я считала это любопытством.

Теперь выяснялось, что мальчик, возможно, видел то, что оставалось скрытым даже от опытных нагов.

Мне хотелось радоваться необыкновенным способностям сына, но после письма Сархана всякая мысль о родовой магии вызывала прежде всего страх.

За мостом дорога вошла под огромный каменный свод.

Сначала вокруг стало почти темно. Возница зажег два дорожных фонаря, закрепленных по бокам повозки, и лошади замедлили шаг.

Постепенно я начала различать стены.

Они были выложены из темного гладкого камня, местами испещренного узкими серебристыми прожилками. Вдоль дороги тянулись неглубокие канавки с теплой водой, от которой поднимался пар.

Воздух становился мягче, влажнее. Холод перевала остался за спиной, и вскоре мне пришлось расстегнуть ворот плаща.

Ая осторожно высунула голову из-под одеяла.

— Мам, мы уже под горой?

— Да.

— А она не упадет?

— Нет, милая. Эти проходы существуют очень давно.

Кей немедленно посмотрел вверх.

— А если упадет камень?

— Тогда хранители его починят, — сказала я.

Тайр, ехавший рядом, повернул голову.

— Желательно до того, как он упадет.

Ая задумалась над этим ответом.

— А вы проверяете все камни?

— Не все. Только те, которые могут причинить неприятности.

— А как вы узнаете?

— Иногда по трещинам, иногда по звуку воды под ними.

Рун сразу поднял голову.

— А если камень внутри светится?

Тайр посмотрел на него.

— Тогда я обязательно посмотрю внимательнее.

Мальчик удовлетворенно кивнул.

Кей же разочарованно вздохнул.

— Я думал, тут будут настоящие змеи.

— Еще увидишь, — пообещала я.

Темный проход постепенно расширился, впереди появилось мягкое золотистое свечение. Я уже слышала шум большого подземного водопада, когда повозка выехала на широкую каменную террасу.

Перед нами открылся первый город Саарина.

Долгие годы я старалась не вспоминать эту красоту. Теперь, увидев ее снова, невольно задержала дыхание.

Внутри горы раскинулась огромная полость, уходившая высоко вверх. Каменные террасы поднимались одна над другой, соединенные широкими наклонными переходами. В глубине текла горячая река, над которой клубился серебристый пар.

На противоположном берегу стояли дома с высокими арочными окнами. Их стены украшали тонкие полосы цветного минерала, и в теплом свете источников здания казались вырезанными из огромных янтарных глыб.

Между террасами проходили каналы.

По ним двигались длинные низкие лодки, рассчитанные на пассажиров в человеческом и истинном облике. Возле одной из пристаней я увидела нага с темно-синим хвостом, который спокойно разговаривал с торговцем, пока двое помощников переносили мешки с зерном.

Над водой висели мостики.

На некоторых стояли люди, на других отдыхали наги, свернув длинные хвосты на нагретых плитах.

— Мам! — Кей едва не выпал из повозки. — Смотри! Смотри, какой!

Я успела подхватить его за пояс.

— Сиди спокойно.

— Но там огромный!

Он показывал на пожилого нага с буро-красной чешуей. Тот лениво расположился возле небольшого бассейна, погрузив конец хвоста в горячую воду.

Ая тоже вытянула шею.

— У него хвост длиннее нашей комнаты!

— У него хвост длиннее двух наших комнат! — уверенно поправил Кей.

Рун молча смотрел на каменные стены, по которым проходили тонкие светящиеся линии, не обращая внимания на нагов.

Я заметила, как мальчик медленно повернул голову вслед одной из них.

— Рун?

Он не сразу откликнулся.

— Мам, здесь очень много дорожек.

Я почувствовала, как напряглась.

— Они тебе мешают?

Мальчик подумал.

— Нет. Просто их много. Как нитки у Энны, когда она шьет.

— Голова не болит?

— Нет.

Я погладила его по волосам.

— Если устанешь смотреть, скажи мне.

Он кивнул и снова повернулся к городу.

Тайр подъехал к повозке.

— Нам нужно остановиться у восточной пристани. Дальше пойдем по воде.

— Почему? — спросила я.

— Верхняя дорога закрыта. Несколько дней назад там просел участок стены.

— И что случилось?

— Никто не пострадал. Но движение тяжелых повозок временно запретили.

Он произнес это слишком быстро.

Я посмотрела на террасы.

На одной из них действительно виднелось ограждение из красных канатов, возле которого стояла стража.

— Это связано с болезнью?

Тайр задержал на мне взгляд.

— Пока неизвестно.

Я уже начинала ненавидеть эти два слова.

В Саарине происходило что-то серьезное. Люди болели, дороги закрывали, источники переставали работать как прежде. Но каждый, кто обладал хоть какими-нибудь сведениями, предпочитал говорить осторожно, словно боялся, что правда сама по себе способна разрушить гору.

Мы спустились к пристани.

Возница остановил повозку возле широкого навеса, а Тайр отправился договариваться о лодке.

Я помогла детям выбраться наружу.

Теплый влажный воздух сразу окутал лицо. От воды пахло камнем, минералами и чем-то знакомым, что я не могла сразу определить.

Потом вспомнила.

Так пахло утро во дворце, когда слуги открывали окна над горячей рекой.

Я невольно сжала левое запястье. Во влажном тепле след от старого обруча иногда неприятно покалывал. Обычный шрам, а не магическое предупреждение, но он упрямо напоминал о прошлом.

— Мам, а можно потрогать воду? — спросил Кей.

Я посмотрела на канал.

Над поверхностью поднимался пар.

— Нет. Она может быть слишком горячей.

— А для нагов не горячая?

— У них другие возможности, но даже они могут обжечься.

Кей задумался.

— А когда у меня будет хвост, я смогу туда залезть?

— Когда научишься отличать безопасную воду от опасной.

— Это долго?

— Очень надеюсь, что достаточно долго, чтобы ты перестал задавать вопросы, сидя на самом краю пристани.

Он немедленно отступил на шаг.

Ая потянула меня за руку.

— Мам, почему у той тети нет ног?

Я посмотрела туда, куда она указывала.

Возле торгового лотка стояла женщина-нагиня. Верхняя часть ее тела была человеческой, а ниже пояса начинался длинный серо-зеленый хвост.

— Она в истинном облике, — объяснила я. — Помнишь, я рассказывала?

— А зачем?

— Так ей удобнее.

— А в платье неудобно?

Я посмотрела на нагиню.

Она носила короткую тунику и широкую вышитую накидку, которая красиво ложилась вдоль верхней части хвоста.

— В обычном человеческом платье было бы не очень удобно.

Ая немного подумала.

— Тогда, когда у меня появится хвост, мне тоже нужно будет другое платье.

— Обязательно.

— Красивое?

— Самое красивое, какое сумеем найти.

Дочь удовлетворенно кивнула.

Мне вдруг захотелось рассмеяться и заплакать одновременно.

Несколько лет я боялась, что дети начнут спрашивать о своей природе. Не потому, что считала ее чем-то плохим. Просто не знала, смогу ли дать им все ответы.

Оказалось, пока их волновали самые обычные вещи: можно ли плавать, будет ли хвост длинным, какое платье придется надеть. Может быть, именно это и было правильно.

Тайр вернулся с пристани.

— Лодка готова. Возница перегонит повозку по обходной дороге и встретит нас на следующем посту.

— Наши вещи?

— Основное возьмем с собой. Остальное он доставит к дому хранителей.

Я посмотрела на мужчину, который сопровождал нас с поселка.

Он уже помогал грузчикам переносить сумки.

— Я хочу взять документы, лекарства и детскую одежду, — сказала я.

— Конечно.

— И камни Руна, — добавила Ая.

Младший сын поднял голову.

— Все пять.

Тайр посмотрел на меня.

— Особенно камни.

Я улыбнулась.

Пока мы устраивались в лодке, Кей успел задать лодочнику столько вопросов, что тот в конце концов предложил мальчику самому посчитать весла.

Лодочник оказался пожилым нагом с загорелым лицом и сильными руками. В человеческом облике он выглядел почти как обычный мужчина, если не считать вертикальных зрачков и серебристой чешуи возле висков.

— Насколько горячая вода? — спросила я, усаживая детей.

— Возле поверхности около сорока градусов, госпожа. Ниже горячее. Поэтому руками лучше не трогать.

Я кивнула.

Тайр разместил сумки возле кормы, после чего неожиданно снял дорожные сапоги.

Потом он расстегнул пояс и аккуратно сложил рядом плотную верхнюю часть одежды, предназначенной для верховой езды.

— Что вы делаете?

— В воде мне удобнее двигаться в истинном облике.

Я посмотрела на лодку.

— Вы собираетесь плыть рядом?

— Нет. Сядем все вместе. Просто здесь достаточно места.

Он сказал это так естественно, словно речь шла о смене неудобной обуви.

Я отвернулась, чтобы не смотреть слишком пристально.

За семь лет брака с Сарханом я привыкла к тому, что наги меняют облик. Но во дворце подобные превращения почти всегда происходили за закрытыми дверями или во время официальных церемоний.

А здесь Тайр просто собирался удобнее устроиться в лодке.

Он поставил ладонь на борт, немного отодвинулся от детей и плавно изменил положение тела.

Сначала на его шее проступил тонкий темный рисунок чешуи, затем изменения спустились ниже.

Ткань специальной дорожной одежды свободно разошлась по боковым застежкам. Ноги постепенно исчезли в едином сильном движении мышц, а вместо них появился длинный змеиный хвост.

Чешуя была темно-медной, почти черной вдоль спины и более светлой по бокам.

Тайр осторожно уложил хвост вдоль свободного борта, чтобы не задеть наши сумки.

Он превращался без вспышек и грома, привычным движением живого тела.

Кей смотрел на него с открытым ртом.

— Вот это да...

Тайр посмотрел на мальчика.

— Что-то не так?

— Он настоящий!

— Я предупреждал.

— А можно потрогать?

— Кей, — начала я.

— Можно, — спокойно сказал Тайр. — Только сначала спроси, где.

Сын немедленно вытянул руку.

— Где?

Тайр указал на участок хвоста ближе к боку.

— Здесь.

Кей осторожно коснулся чешуи одним пальцем.

Потом еще одним.

— Она гладкая!

— Не везде. По направлению роста чешуек гладкая, против — шероховатее.

Ая тоже заинтересовалась.

— А она не отваливается?

— Во время смены кожи старый верхний слой постепенно отделяется.

— Весь?

— Постепенно.

Дочь нахмурилась.

— И потом вы новую кожу надеваете?

Тайр негромко рассмеялся.

Я впервые услышала его смех и неожиданно обнаружила, что он меняет все выражение его лица. В обычном состоянии Тайр казался слишком серьезным. Теперь возле глаз появились небольшие морщинки, а строгие черты смягчились.

— Новая кожа уже находится под старой, — объяснил он. — Ничего надевать не нужно.

Кей потрогал собственную руку.

— А у меня тоже так будет?

— Скорее всего.

Сын посмотрел на меня.

— Мам, тогда мы будем находить мою старую кожу!

— Надеюсь, ты не собираешься складывать ее рядом с камнями Руна.

— А можно?

— Нет.

Тайр снова улыбнулся.

Лодка медленно отошла от пристани.

Я устроилась на деревянной скамье и поправила плащ на коленях. Возле бортов тихо плескалась вода, над ней поднимались тонкие полосы пара.

Тайр сидел напротив, положив локоть на край лодки. Его хвост занимал почти всю свободную сторону судна, но двигался так осторожно, что я ни разу не почувствовала неудобства.

Пожалуй, впервые за несколько дней я позволила себе просто смотреть по сторонам.

Канал проходил под высокими арками. Каменные стены отражали теплый свет минералов, а впереди открывались новые террасы, мосты и небольшие пристани.

В одном месте мы проплыли мимо длинного ряда домов, возле которых сушились рыболовные сети.

Возле другого — мимо открытых купелей, где взрослые наги отдыхали после работы.

Дети постепенно перестали удивляться каждому хвосту и начали разглядывать лавки.

Ая заметила торговца стеклянными бусинами, Кей — огромную копченую рыбу. Рун смотрел на стены.

Я заметила, что Тайр тоже время от времени переводит взгляд туда, куда смотрит мальчик.

— Вы ищете повреждения? — тихо спросила я.

— Пытаюсь понять, что именно он замечает.

— И получается?

— Пока нет.

Я помолчала.

— Вы часто работаете в истинном облике?

— Почти всегда, когда приходится спускаться в глубокие каналы.

— Почему?

— Так проще чувствовать движение камня и воды. Через хвост колебания передаются лучше.

Я посмотрела на темную чешую, уходившую вдоль борта.

Сархан никогда не рассказывал мне таких вещей.

Для него истинный облик был частью власти. Он принимал его во время торжественных церемоний, военных смотров и иногда в личных покоях, когда хотел отдохнуть от придворной одежды.

Тайр же воспринимал превращение как практическую часть собственной жизни.

Эта разница неожиданно заинтересовала меня.

— А вам не мешает холод?

— Мешает, если его слишком много. Поэтому в Северных Затворах мы стараемся не оставаться без теплых плит.

— Я думала, хранители должны быть привычны к холоду.

— Привычка не отменяет физиологию.

Ответ был настолько сухим, что я невольно улыбнулась.

Тайр заметил.

— Что?

— Ничего. Просто во дворце подобное объяснение назвали бы недостаточно достойным древнего рода.

— Во дворце любят объяснять обычные вещи так, будто они являются великим таинством.

Я тихо рассмеялась.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

Потом лодочник громко окликнул помощника на пристани, и разговор прервался.

Мы приближались к городу, который назывался Тар-Мер.

Он был меньше Ар-Каара, но считался одним из главных узлов северных каналов. Здесь сходились торговые дороги, проходили подземные реки и находились несколько больших лечебных купелей.

Когда-то я бывала в Тар-Мере вместе с Сарханом.

Правда, тогда меня сопровождали придворные дамы, а все путешествие состояло из торжественных приемов и посещения храмов.

Теперь город встретил меня совершенно иначе.

На пристани стояли вооруженные стражники.

Возле широких ворот висело объявление, написанное на двух языках.

«Посещение общих лечебных купелей ограничено. Лицам с нарушениями смены облика обращаться в центральный лечебный дом».

Ниже были перечислены признаки болезни.

Слабость.

Продолжительные судороги.

Невозможность вернуться в прежний облик.

Потеря речи и памяти.

Я перечитала объявление дважды.

— Тайр, почему здесь упомянута потеря памяти?

Он подошел ближе.

— Потому что у некоторых больных она тоже развивается.

— Но обычное нарушение превращения не должно затрагивать воспоминания.

— Не должно.

— Значит, дело не только в теле?

Он посмотрел на меня.

— Именно это мы и пытаемся выяснить.

Я почувствовала знакомое профессиональное беспокойство.

Когда болезнь затрагивала сразу несколько различных систем организма, искать единственную внешнюю причину становилось гораздо сложнее.

А магия нагов и без того была устроена так, что человеческие лекарские знания помогали лишь отчасти.

— Я хочу посмотреть больных, — сказала я.

Тайр кивнул.

— Я рассчитывал, что вы попросите.

— И давно?

— С того момента, как вы начали расспрашивать о Дарене.

Я посмотрела на него.

— Значит, вы специально привезли нас сюда?

— Здесь находится ближайший крупный лечебный дом на пути в столицу. И здесь можно получить сведения, которых нет в официальных донесениях.

Мне не понравилось, что он снова решил за меня часть маршрута.

Но спорить я не стала.

Мы действительно нуждались в этих сведениях.

Тар-Мер оказался шумным городом.

Вдоль каналов тянулись торговые ряды. Возле лавок спорили покупатели, грузчики переносили мешки, а маленькие лодки непрерывно прибывали к пристаням.

Однако стоило нам отойти от воды, как я заметила непривычную пустоту некоторых улиц.

В одном квартале были закрыты почти все купели, в другом стояла храмовая стража.

У дверей лечебного дома собралась длинная очередь.

Некоторые пришли самостоятельно, других поддерживали родственники. Нескольких нагов принесли на специальных носилках для пациентов в истинном облике.

Кей перестал задавать вопросы, Ая крепче прижалась ко мне, Рун спрятал дощечку в сумку.

— Мам, они все болеют? — тихо спросила дочь.

Я посмотрела на людей возле входа.

— Не все. Кто-то привел родственников. Кто-то пришел за лекарствами.

— А им помогут?

Я не стала отвечать сразу.

— Лекари делают все, что могут.

Ая кивнула, но по лицу было видно, что мои слова ее не успокоили.

Тайр привел нас в небольшой дом напротив лечебницы. Там находились помещения для родственников пациентов и приезжих специалистов.

Хозяйкой оказалась пожилая нагиня по имени Мара.

Она сразу заметила детей и предложила им теплое молоко с медом.

Кей оживился.

— А сладкие орешки есть?

Мара улыбнулась.

— Есть. Но сначала молоко.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Ая посмотрела на меня с таким выражением, будто обнаружила взрослого человека, совершенно не знакомого с честными торговыми соглашениями.

Я позволила детям поесть и немного отдохнуть.

За последние сутки они слишком много путешествовали.

Кей все еще иногда жаловался на неприятное ощущение в ногах после первого превращения. Рун уставал от непривычного количества магических линий вокруг. Ая, хоть и старалась держаться бодро, постоянно терла глаза.

Я попросила Мару подготовить комнату, где дети смогут отдохнуть, пока я осмотрю лечебницу.

Тайр сразу предложил остаться с ними.

Я удивленно посмотрела на него.

— А разве вы не хотите присутствовать при осмотре?

— Хочу. Но сначала вам нужно решить, кто будет рядом с детьми.

Я оглянулась на тройню.

Они сидели за столом, занятые молоком и орешками.

Мара казалась доброй женщиной, однако оставлять детей с совершенно незнакомым человеком я не собиралась.

— Вы останетесь? — спросила я.

— Если вы доверите.

Я некоторое время изучала его лицо.

За последние сутки Тайр помог Кею пережить первое превращение, спокойно отвечал на детские вопросы и ни разу не попытался использовать свои знания как основание для приказа.

Этого было недостаточно для полного доверия, но достаточно, чтобы сделать первый шаг.

— Хорошо. Только я буду в лечебном доме напротив. Если что-нибудь случится, зовите немедленно.

— Разумеется.

Кей поднял голову.

— А можно он покажет хвост еще раз?

— Если Тайр захочет, — ответила я.

Ая нахмурилась.

— А маму вы отпускаете?

Тайр повернулся к ней.

— Ваша мама идет работать. Мы подождем ее здесь.

— А если долго?

— Тогда найдем, чем заняться.

Рун осторожно достал дощечку.

— Можно нарисовать лодку?

— Можно.

Мальчик подумал.

— С вашим хвостом?

— Если получится похоже.

Кей немедленно вмешался:

— А я хочу нарисовать большого змея!

— Тогда вам понадобится много бумаги, — заметил Тайр.

Я вышла, пока спор не перешел к размерам будущих рисунков.

Лечебный дом Тар-Мера занимал три соединенных здания.

Первое предназначалось для приема пациентов. Во втором находились горячие купели и небольшие палаты. Третье использовали для хранения лекарств, медицинских записей и работы с тяжелобольными.

У входа меня встретил молодой помощник лекаря.

— К кому вы?

— Я Лиара, лекарь из пограничного поселка. Хранитель Тайр сообщил, что здесь можно осмотреть пациентов с нарушениями превращения.

Помощник посмотрел на мое человеческое лицо.

Потом на дорожную сумку.

— Вам нужно к старшему лекарю Орису.

Он провел меня через приемную.

Внутри пахло горячими минералами, лекарственными травами и влажной тканью.

У дальней стены сидели несколько нагов с частично измененными руками. Один мужчина безуспешно пытался разжать пальцы, покрытые плотной серой чешуей. Другой тяжело дышал, положив голову на плечо жены.

Я невольно замедлила шаг.

Слишком многие здесь выглядели так же, как Дарен.

Старший лекарь Орис оказался невысоким нагом лет пятидесяти с усталым лицом и серебристыми волосами.

Он выслушал мое представление, посмотрел на дорожные документы и не скрывал скепсиса.

— Человеческая лекарка?

— Да.

— И чем вы собираетесь помочь больным, если даже наши специалисты не понимают причину?

Я поставила сумку на стол.

— Для начала хочу посмотреть записи.

Он нахмурился.

— У нас нет времени на любопытствующих путешественников.

— Тогда давайте сэкономим его. Сколько ваших пациентов проходили обряд Печати Чистой Крови?

Орис поднял глаза.

— Все наги, поступающие к нам с тяжелыми нарушениями превращения, связаны с Печатью. Это обычная практика.

— Я спрашиваю не о распространенности обряда, а о связи между ним и болезнью.

— Откуда вы вообще знаете о наших случаях?

— Недавно я обследовала пациента из Северных Купелей. Мужчина сорока семи лет, к моменту осмотра уже три дня не мог вернуться в человеческий облик, постепенно терял речь и контроль над кистями. Обряд прошел около десяти лет назад. Его состояние кратковременно улучшилось после внешнего магического воздействия, но затем симптомы вернулись.

Орис перестал смотреть на меня снисходительно.

— Какого воздействия?

— Пока не могу объяснить механизм. Поэтому и хочу сравнить его состояние с вашими пациентами.

Он некоторое время молчал.

Затем жестом указал на стул.

— Садитесь.

Я села.

Орис достал толстую книгу и открыл на середине.

— За последние три недели к нам поступило семьдесят четыре пациента с подобными симптомами. У большинства болезнь начиналась с мышечной слабости и трудностей при возвращении в человеческий облик.

— Возраст?

— От двадцати двух до семидесяти. Чаще взрослые среднего возраста.

— Дети?

— Нет.

Я подняла голову.

— Ни одного?

— Ни одного с такими симптомами.

— А молодые наги, которые еще не проходили Печать?

— Есть несколько пациентов с обычными нарушениями первого превращения, но это другая картина. Они сохраняют память, речь и способность восстанавливаться после отдыха.

Я задумалась.

— Все заболевшие взрослые проходили обряд?

— Насколько известно, да.

— Были случаи среди тех, кто отказался от Печати?

Орис нахмурился.

— Такие наги редко обращаются в храмовые лечебницы.

— Значит, вы не знаете?

— У нас нет сведений о заболевших среди них.

Я попросила разрешения посмотреть несколько историй болезни.

Орис поколебался.

Потом достал из шкафа еще две книги.

Мы начали сравнивать записи: первые симптомы, продолжительность болезни, возраст пациентов, родовую принадлежность, число лет после обряда.

Особенно меня интересовали случаи, когда человек мог ненадолго восстановить облик, но затем снова терял контроль.

Таких пациентов оказалось немало.

Одни возвращали человеческие руки, другие — лицо. Некоторые могли говорить несколько минут, после чего речь вновь становилась неразборчивой.

Я обратила внимание, что состояние почти всегда ухудшалось после очередной попытки превращения.

— Они расходуют оставшиеся силы, — сказала я.

Орис поднял голову.

— Что?

— Посмотрите на записи. Когда пациенты не пытаются меняться, болезнь развивается медленнее. После превращения симптомы усиливаются.

— Мы это заметили.

— Но продолжаете назначать упражнения на восстановление облика.

— Потому что раньше они помогали.

Я провела пальцем по строке.

— Возможно, раньше причина была другой.

Орис раздраженно выдохнул.

— Вы предлагаете вообще запретить превращения?

— Я предлагаю выяснить, почему каждое повторное превращение ухудшает состояние.

Он помолчал.

Потом неожиданно закрыл книгу.

— Хотите увидеть тяжелых пациентов?

— Да.

Он поднялся.

— Тогда идемте.

Мы прошли в дальнее крыло.

Здесь было тише. Возле каждой палаты стояли теплые каменные плиты. В некоторых комнатах работали небольшие купели, в которых поддерживалась определенная температура.

Лекари постоянно проверяли воду: наги в тяжелом состоянии плохо переносили резкие изменения температуры. Это было правильно, но теплые купели облегчали боль, не устраняя причину заболевания.

В первой палате лежал пожилой мужчина с темно-синим хвостом.

Его человеческая верхняя часть тела почти не изменилась, но пальцы обеих рук были покрыты плотной чешуей.

Он понимал обращенные к нему слова, но говорил с трудом.

В соседней комнате находилась женщина лет тридцати.

Ее звали Сария.

Когда мы вошли, она лежала на боку, свернув длинный серебристо-зеленый хвост. На лице выступали мелкие чешуйки. Глаза оставались открытыми, но взгляд был рассеянным.

Возле кровати сидела молодая девушка.

— Мама, — тихо говорила она. — Посмотри на меня.

Сария не отвечала.

Девушка осторожно взяла ее за руку.

— Это я. Лета.

Больная медленно повернула голову.

На мгновение в глазах появилось узнавание.

Потом исчезло.

— Кто... — прохрипела она.

Лета вздрогнула.

— Я твоя дочь.

Сария смотрела на нее так, словно видела впервые.

Я почувствовала тяжелый комок в горле.

Орис тихо сказал:

— Позавчера она еще узнавала девочку по голосу. Сегодня уже нет.

Я подошла к кровати.

— Сария, меня зовут Лиара. Я лекарь. Можно проверить ваши руки?

Женщина не ответила.

Но когда я осторожно коснулась ее запястья, она не отстранилась.

Кожа была теплой, пульс оставался ровным, однако Сария почти не могла выполнить мои просьбы.

Я попросила Сарию сжать пальцы. Она попыталась, но движение оказалось настолько слабым, что я едва почувствовала его.

Потом больная вдруг закрыла глаза.

— Вода...

Лета наклонилась.

— Мама?

— Холодная...

Я посмотрела на Ориса.

— Она часто говорит о воде?

— Иногда повторяет отдельные слова. Они редко связаны с происходящим.

Сария снова открыла глаза.

— Не ходи...

Голос был почти неразличим.

— Кто не должен ходить? — осторожно спросила я.

Ответа не последовало.

Лета сжала руку матери.

— Мам, я здесь.

Больная смотрела мимо нее.

Я почувствовала странное бессилие.

В человеческой лечебнице подобная потеря памяти могла иметь множество причин. Повреждения нервной системы, тяжелое истощение, последствия отравления.

Но здесь все происходило одновременно с нарушением превращения.

Словно магия, которая должна была удерживать тело в привычной форме, постепенно переставала удерживать и самого человека.

Я записала наблюдения.

Потом попросила Ориса показать мне еще двух пациентов.

У одного симптомы были легче, у другого болезнь зашла настолько далеко, что он почти полностью утратил человеческую речь.

Когда мы вернулись в кабинет, я долго смотрела на записи.

— Вы говорили, за последние три недели к вам поступило семьдесят четыре пациента?

— В этом году — да.

— А раньше?

Орис отвел взгляд.

Я заметила это сразу.

— Раньше тоже были подобные случаи?

Он медленно опустился на стул.

— Несколько.

— Сколько?

— Я не знаю точного числа. В старых книгах есть записи о пациентах, которые не могли завершить превращение. Но тогда такие случаи считались редкими осложнениями.

— После прохождения Печати?

— У большинства.

Я почувствовала, как постепенно складывается неприятная картина.

— Сколько лет назад?

— Первые сообщения я видел около четырех лет назад.

Я посмотрела на него.

— И никто не попытался связать их с обрядом?

— Пытались.

— Кто?

Орис несколько мгновений молчал.

Потом тихо ответил:

— Хранители.

Я невольно вспомнила Тайра: его осторожные ответы, серебристый ожог, карту поврежденных каналов, которую он изучал ночью.

— И что произошло?

Орис закрыл книгу.

— Совет постановил, что причина в нарушении правил проведения отдельных превращений. Нам приказали продолжить лечение по прежним методикам.

— А хранители?

— Некоторые перестали присылать отчеты через храм. С тех пор я получаю сведения только через официальные каналы.

Я задумалась.

Все заболевшие, которых я видела, действительно проходили обряд. Но почти все взрослые наги Саарина были связаны с Печатью.

Этого еще недостаточно, чтобы объявить ее причиной болезни.

Нужно было сравнить состояние тех, кто проходил обряд, и тех, кто не проходил.

А главное — понять, что именно происходит во время превращения.

— Мне нужны записи о здоровых нагах того же возраста, — сказала я.

Орис посмотрел на меня с удивлением.

— Зачем?

— Если мы хотим выяснить причину, недостаточно изучать только больных.

Он задумался.

— У нас есть сведения о нескольких старых семьях, которые отказались от Печати. Но они живут в верхних кварталах и не пользуются храмовыми купелями.

— Можно поговорить с ними?

— Думаю, да. Только придется объяснить, зачем вам это нужно.

Я взяла чистый лист.

— Объясним.

Когда я вышла из лечебного дома, оказалось, что прошло больше двух часов.

В городе наступил вечер.

Свет минералов стал мягче, а над каналами поднялся густой пар. Уличные торговцы убирали товары, и только возле лечебницы по-прежнему стояли люди.

Я ускорила шаг.

Дети наверняка уже устали ждать.

Мара встретила меня в дверях.

— Ваши малыши поели и немного поспали. Сейчас сидят наверху.

— Все хорошо?

— Да. Только девочка спрашивала, почему больные так громко плачут.

Я насторожилась.

— Она слышала?

— Не знаю. Здесь иногда слышны голоса из лечебницы. Сегодня там было шумно.

Я поблагодарила женщину и поднялась по лестнице.

Дети устроились в большой комнате возле окна.

Кей сидел на полу, окруженный деревянными фигурками. Тайр показывал ему, как правильно складывать небольшую конструкцию из дощечек.

Рун рисовал рядом.

Ая сидела на кровати и смотрела в окно.

Когда я вошла, она сразу поднялась.

— Мама!

Я обняла дочь.

— Как вы тут?

— Хорошо, — ответил Кей, не отрываясь от дощечек. — Тайр говорит, что если неправильно поставить опору, все упадет.

— И правильно говорит.

— А я хочу, чтобы упало красиво.

Тайр поднял на меня глаза.

— Это тоже полезное наблюдение. Только лучше делать его с маленькими сооружениями.

Я улыбнулась.

Но Ая не улыбалась.

Она прижалась ко мне и тихо спросила:

— Мам, а почему та женщина забыла свою дочку?

Я почувствовала холод.

— Какая женщина?

— Которая лежит там, за водой.

Ая показала в сторону лечебного дома.

Я присела рядом с ней.

— Ты видела ее?

Дочь покачала головой.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Она нахмурилась.

— Я слышала.

Я посмотрела на Тайра.

Он отложил дощечку.

— Ая сказала об этом около получаса назад, — сообщил он. — Я спросил, откуда она знает, но она сама не смогла объяснить.

Я снова повернулась к дочери.

— Что именно ты слышала?

Ая опустила глаза.

— Сначала девочка плакала. Она говорила: «Мама, это я». А потом женщина подумала, что та маленькая. Совсем маленькая. С красной ленточкой.

Я замерла.

В палате Сарии действительно сидела взрослая девушка.

Лета была в простом сером платье, ее темные волосы были собраны в косу. Никакой красной ленточки я не видела.

— Ты видела девочку с ленточкой? — спросила я.

Ая кивнула.

— Она бежала по камням. А мама боялась, что она упадет в воду. Только потом картинка пропала.

Я крепче обняла дочь.

Это не походило на случайно услышанный разговор. Слишком точные подробности, слишком странная связь с женщиной, которая постепенно теряла собственную память.

— Тебе было страшно?

Ая немного подумала.

— Мне стало грустно. Она ведь очень любит свою дочку. Просто не может ее вспомнить.

Я почувствовала, как защипало глаза.

Пятилетняя девочка пыталась объяснить то, над чем взрослые лекари бились уже несколько недель.

Я не знала, действительно ли она улавливала чужие воспоминания или происходило что-то еще.

Но одно было ясно: способности детей развивались быстрее, чем я могла к ним подготовиться.

Тайр подошел ближе.

— Ая, голова не болит?

Она покачала головой.

— Нет.

— А когда ты слышишь такие вещи, можешь перестать их слушать?

Дочь нахмурилась.

— Не всегда.

— А если подумать о чем-то другом?

— Иногда получается.

Тайр кивнул.

— Тогда попробуй, когда станет неприятно, сосредоточиться на чем-нибудь знакомом. Например, на мамином голосе.

Ая посмотрела на меня.

— А если мама далеко?

— Тогда можно вспомнить, как она зовет тебя по имени.

Я почувствовала, как дочь крепче сжала мою руку.

— Хорошо.

Тайр не предложил ей немедленно воспользоваться даром еще раз, не стал расспрашивать о дополнительных воспоминаниях. Я была ему за это благодарна.

Вечером, когда дети поели, я попросила Мару приготовить для нас теплую купель.

После дороги им необходимо было отдохнуть.

Кей радостно согласился.

Ая долго выбирала, какое полотенце взять.

Рун принес свои камни и объявил, что один из них нужно обязательно помыть.

Я разрешила при условии, что он не станет бросать камень в воду.

В небольшой купальне было тепло и спокойно.

Дети плескались в неглубокой воде, а я сидела рядом, следя за ними.

Кей несколько раз пытался вытянуть ноги, будто проверяя, не появится ли снова хвост.

Я заметила это и попросила его прекратить.

Он вздохнул.

— Мам, а если я научусь, то смогу плавать как большая змея?

— Возможно.

— А быстро?

— Наверное.

— А быстрее лодки?

— Это уже зависит от лодки.

Ая фыркнула.

— Ты все равно будешь проигрывать.

— Почему?

— Потому что будешь останавливаться и смотреть на рыб.

Рун тихо засмеялся.

Кей обиделся, но ненадолго.

Через минуту он уже пытался показать, как будет плавать, и едва не окатил меня водой.

Я поднялась, отряхивая мокрые рукава.

— Все, довольно. Еще немного, и у нас получится настоящий потоп.

Дети застонали.

Но после второго предупреждения согласились выходить.

Когда я уложила их спать, на улицах Тар-Мера уже стих шум.

Кей уснул первым. Рун долго устраивал камни возле кровати, выбирая для каждого подходящее место. Ая попросила меня посидеть рядом.

Я поправила одеяло и села.

— Мам?

— Да, милая?

— А если я когда-нибудь забуду тебя?

У меня сжалось сердце.

— Почему ты об этом думаешь?

Она посмотрела на свои руки.

— Та женщина забыла дочку. А вдруг я тоже забуду?

Я осторожно взяла ее ладони в свои.

— Ты здорова. И то, что случилось с той женщиной, не означает, что случится с тобой.

— Но она ведь раньше тоже была здоровая.

Я не нашлась с ответом сразу.

Дети иногда задают вопросы, от которых невозможно отмахнуться привычным успокоением.

— Да, — сказала я наконец. — Раньше была. Поэтому мы с другими лекарями стараемся понять, что с ней случилось. Чтобы помогать таким людям.

Ая помолчала.

— А если она вспомнит?

— Тогда ее дочка будет очень счастлива.

— Я бы тоже была.

Я погладила дочь по волосам.

— Спи. Сегодня был длинный день.

Она закрыла глаза, через несколько минут ее дыхание стало ровным. Я еще немного посидела возле кровати, потом тихо вышла.

Тайр ждал внизу.

Он уже вернулся в человеческий облик и сидел за столом возле открытого окна. Перед ним лежали несколько листов с записями, а рядом стояла чашка горячего отвара.

Увидев меня, он поднялся.

— Дети уснули?

— Да.

— Как Ая?

— Устала. Но ничего опасного пока не замечаю.

Я села напротив.

Несколько мгновений мы молчали.

Потом я достала медицинские записи, которые разрешил переписать Орис.

— Мне удалось посмотреть истории болезни.

Тайр сразу стал серьезнее.

— Что выяснили?

Я разложила листы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.